

Даниил Орлов

Вы этого не видели

<https://litres.ru/74652529>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ночная переводчица экстренной диспетчерской Нина Белова видит из окна лежащего во дворе курьера и безупречно вежливого председателя дома рядом с ним. Утром запись исчезает: камера показывает пустые девять минут, служба доставки отрицает заказ, а соседи начинают сомневаться в собственных словах.

Нина знает цену ошибке лучше других: из-за неточно переведённого отрицания она сама находится под служебной проверкой. Чтобы доказать, что событие было, ей придётся первой признать собственную ненадёжность, собрать следы из чужих часов и не превратить единственную свидетельницу в удобное доказательство. Пока председатель объясняет каждую странность отдельно, закрытый двор становится ловушкой для скорой помощи.

«Вы этого не видели» — психологический триллер о памяти, контроле и правде, которой не нужна безошибочная камера, если люди готовы честно отделить увиденное от добавленного.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Окно напротив	5
Глава 2. Полезный сосед	20
Глава 3. Чужое отрицание	43
Глава 4. Все окна	66
Глава 5. Заявка не найдена	88
Глава 6. Девять минут	102
Глава 7. Скамья	122
Глава 8. Перевод по памяти	142
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Даниил Орлов

Вы этого не видели

От автора

Мы часто говорим свидетелю: «Доверяйте своей памяти» — или, наоборот: «Память ненадёжна». Обе фразы могут помочь, но обе становятся опасными, если заменяют проверку. Человек способен ошибиться в цвете куртки, минуте или расстоянии и всё же верно помнить главное событие. Другой человек может воспользоваться одной неточностью, чтобы объявить несуществующим всё остальное.

Этот роман — о дворе, где множество окон не гарантирует множества независимых взглядов. Он не предлагает угадывать правду по уверенности героя и не превращает сомнение в болезнь. Здесь важны обычные следы: время вызова, остановка лифта, открытый проезд, подпись, сохранённая не там, где её удобно стереть.

А ещё это история о границе между заботой и контролем. Защищая близкого или соседа, легко начать решать за него, что он видел, когда должен говорить и чем обязан рискнуть. Настоящая помощь начинается не с готовой версии, а с вопроса: что известно точно — и что нужно сделать прямо сейчас, чтобы человек остался жив и свободен выбирать дальше.

Глава 1. Окно напротив

В половине второго ночи Нина переводила женщине, как проверить дыхание мужа, и одновременно смотрела, как во дворе падает снег.

Женщина говорила быстро, на вдохе проглатывала окончания и каждые несколько секунд обращалась к кому-то рядом. Голос дежурного фельдшера звучал в другом наушнике ровно и отчётливо.

— Спросите, грудная клетка поднимается?

Нина повторила вопрос. Женщина замолчала. В гарнитуре остался шорох ткани и далёкий детский плач.

— Не вижу. Он тяжёлый. Я не могу повернуть.

— Поворачивать не надо, — перевела Нина фельдшеру.
— Она не видит движения груди.

— Пусть наклонится щекой ко рту. Не больше десяти секунд. Считает вслух.

Нина передала инструкцию короткими фразами. На стене над столом электронные часы сменили 01:26 на 01:27. Она записала время в рабочее поле и поставила курсор возле строки «дыхание».

Её стол стоял у окна. Днём это мешало: солнце отражалось в двух мониторах, приходилось опускать штору. Ночью окно превращалось в четвёртый экран, только без звука. В нём помещался весь двор между четырьмя многоэтажками: дет-

ская площадка, две парковки, контейнерная площадка, скамьи и узкий проезд к арке.

Женщина начала считать. На другом языке числа звучали мягче русских, но страх делал их рублеными.

Один. Два. Три.

У арки вспыхнула велосипедная фара. Курьер въехал во двор, ведя велосипед рядом. Колёса вязли в свежем снегу. За спиной у него темнела квадратная сумка, на руле висел белый пакет.

Четыре. Пять.

Курьер остановился у средней скамьи и достал телефон. Свет экрана на секунду осветил нижнюю часть лица. Он повернулся к третьему подъезду, потом к пятому, будто сверял номера.

Шесть. Семь.

Из арки вошёл мужчина с закрытым зонтом. Нина узнала Виктора Ладожина по прямой спине и светлой полосе шарфа. Даже ночью он выглядел так, словно только что вышел с собрания жильцов: длинное тёмное пальто, перчатки, начищенные ботинки. Зонт он держал не за ручку, а посередине, параллельно земле.

Восемь.

Курьер поднял телефон. Виктор подошёл. Между ними оставалось шага два.

Девять.

— Есть воздух, — выдохнула женщина в гарнитуре. —

Слабый. Я чувствую.

Нина отвела взгляд от окна.

— Она чувствует слабое дыхание.

Фельдшер велел повернуть мужчину на бок и открыть входную дверь. Женщина снова заговорила с кем-то рядом. Нина переводила каждое действие, ждала подтверждения и отмечала выполненное. Адрес уже передали ближайшей бригаде, но подъезд находился за шлагбаумом. Диспетчер запросил код.

— Кода нет, — сказала женщина. — Внизу сосед. Я пошлю сына.

— Сколько лет сыну?

— Двенадцать.

Фельдшер запретил отправлять ребёнка одного и попросил связаться с соседом по телефону. Нина перевела. Женщина возразила, что муж перестал отвечать на её вопросы. Пришлось вернуть разговор к дыханию, объяснить, куда положить ладонь, снова считать.

Когда Нина посмотрела во двор, курьер лежал рядом со скамьёй.

Она не увидела, как он упал.

Велосипед стоял у края дорожки, переднее колесо медленно поворачивалось. Виктор опустился возле лежащего на одно колено. Рядом была женщина в короткой светлой куртке. Откуда она пришла, Нина тоже не заметила. Женщина держала что-то прямоугольное, похожее на телефон, и про-

тягивала Виктору.

Нина встала. Провод гарнитуры натянулся и потянул станцию по столу.

— Дыхание есть, — повторила женщина вызова. — Скажите, они едут?

— Бригада в пути, — ответила Нина на её языке и села. — Не оставляйте мужа. Дверь должен открыть взрослый сосед. Фельдшер сейчас повторит положение тела.

Она подняла руку, привлекая старшего диспетчера Раду, которая сидела через два стола. Рада посмотрела поверх монитора. Нина показала сначала на окно, потом два пальца вниз. Во дворе человек. Рада жестом спросила: помощь нужна? Нина кивнула, хотя не знала.

Рада подошла, не вмешиваясь в звонок.

— На скамье курьер лежит, — сказала Нина по-русски, прикрыв микрофон ладонью. — Мужчина рядом. Я не видела падение.

Рада посмотрела в окно.

— Где?

Нина снова повернулась.

У скамьи стоял только Виктор. Лежащего закрывала его фигура или уже не было видно из-за спинки. Женщина в светлой куртке отходила к пятому подъезду. Велосипед лежал на боку.

— Средняя скамья. Мужчина на земле, рядом велосипед.

— Заверши текущий. Я позвоню на общий.

Рада вернулась к месту. Нина продолжила перевод. Мужчина на другом конце вызова дышал, но не приходил в сознание. Подъезд наконец открыл сосед. Фельдшер попросил женщину не давать воду и следить за дыханием. В гарнитуре раздался звон домофона, потом топот и новый мужской голос. Бригада приехала.

— Переводчик больше не требуется, — сказал фельдшер.

Нина сообщила женщине, что разговор заканчивается, но медики рядом. Та поблагодарила три раза. На третьем связь оборвалась.

Нина сняла гарнитуру и подошла к окну.

Двор был пуст.

Снег лежал на скамье ровным белым слоем, только перед ней темнело вытоптанное пятно. Велосипеда не было. Виктора, курьера и женщины тоже. У арки проехала машина, на секунду осветила контейнеры и исчезла за домом.

— Полиция приняла? — спросила Нина.

Рада покачала головой.

— Я сказала: человек лежал, возможно, без сознания. Пока соединяли с районным диспетчером, ты сказала, что двор пуст. Они зарегистрировали сообщение без выезда. Если найдём пострадавшего — перезвоним.

— Он не мог сам так быстро уйти. Велосипед тоже убрали.

— Ты видела травму?

— Нет.

— Кровь?

— Нет.

— Его били?

— Я не видела. Сначала он стоял. Потом лежал.

Рада повторила последнее, медленно и без насмешки:

— Сначала стоял. Потом лежал.

Нина вернулась к столу. На экране мигал новый запрос: перевод для аварийной газовой службы, ожидает двадцать семь секунд. Она надела гарнитуру и приняла линию.

До четырёх утра вызовы шли почти без пауз. Запах газа в общежитии оказался запахом растворителя из ремонтируемой комнаты. Пожилая женщина не могла объяснить полиции, где сел водитель, забравший её сумку. Молодой мужчина просил скорую жене на восьмом месяце беременности, но называл адрес прежней квартиры. Нина переводила вопросы, не добавляя догадок, и каждый раз смотрела во двор, когда собеседники замолкали.

На снегу появились следы дворника. Он прошёл вдоль подъездов, поднял у скамьи что-то маленькое и бросил в тележку. В пять двадцать приехал мусоровоз. В шесть зажглись окна первых кухонь.

Илья проснулся без десяти семь и вошёл в комнату в спортивных штанах, с полотенцем на плече. Во время ночных смен Нина работала в его комнате: только здесь окно смотрело на центр двора и помещался второй стол. Илья спал на раскладном диване в гостиной и каждое утро говорил, что ему всё равно скоро съезжать.

— Кофе? — спросил он.

Нина закрыла микрофон.

— Да. И посмотри во двор. У скамьи что-нибудь есть?

Илья подошёл к стеклу.

— Снег.

— Следы?

— Дворник всё прошёл.

— Ночью курьер упал.

— Поскользнулся?

— Не знаю. Рядом был Ладожин и женщина из пятого подъезда. Потом все исчезли.

Илья посмотрел на часы.

— Исчезли или ушли?

— За три минуты вместе с велосипедом.

— Значит, ушли.

Нина сняла руку с микрофона: в линии снова заговорили. Перевела уточнение, дождалась ответа и передала его оператору. Илья стоял у двери.

— Ты Ладожина точно узнала?

— По пальто, шарфу и походке.

— Лица не видела?

— Сверху лицо почти не видно.

— Тогда не точно.

— Я вижу его во дворе каждый день.

— Ты меня вчера со спины соседом назвала.

— На тебе была его куртка.

— Это моя куртка.

— Одинаковая.

Илья поднял руки.

— Вот именно.

Он ушёл варить кофе. Нина почувствовала раздражение не потому, что брат не поверил, а потому, что задал правильные вопросы раньше неё.

В 07:12 смена закончилась. Нина отметила выход в системе, сняла гарнитуру и сделала то, что запрещала себе во время работы: открыла приложение домовых камер.

Четыре изображения показывали двор с разных сторон. Камера над её подъездом захватывала арку и среднюю скамью, но ветка тополя закрывала часть дорожки. Камера пятого подъезда смотрела прямо на скамью. Ещё две показывали парковки.

Архив требовал выбрать дату и время. Нина поставила 01:20.

На записи снег падал быстрее, чем ей запомнилось. По дорожке прошла женщина с собакой. В 01:24 из арки появился курьер, ведя велосипед. Значит, это она видела верно. Он остановился возле скамьи и поднял телефон.

В углу кадра время перескочило с 01:24:58 на 01:34:01.

Курьера больше не было. Скамья стояла пустая. На снегу темнело вытоптанное пятно.

Нина перемотала назад. 01:24:57. Курьер смотрит на телефон. 01:24:58. Полоса цифрового шума. 01:34:01. Пустой

двор.

Она открыла запись с камеры пятого подъезда. Там после 01:24:41 сразу начиналось 01:33:44. На парковочной камере исчезал почти тот же промежуток. Четвёртая показывала неподвижный кадр: красный автомобиль, снег в свете фонаря, цифры времени меняются, но ни одна снежинка не движется.

Илья поставил рядом кружку.

— Опять камеры?

— Девять минут пропали на всех.

Он наклонился к экрану.

— Обновление.

— В одно и то же время?

— Обновляют сервер, а не каждую камеру.

— Почему тогда на четвёртой часы идут?

— Завис кадр.

— Очень удобный момент.

Илья выпрямился.

— Удобный для чего? Чтобы скрыть, как курьер поскользнулся?

— Рядом с ним был Ладожин.

— Если был.

— И женщина передала ему телефон.

— Ты говорила «что-то похожее на телефон».

Нина посмотрела на брата.

— Я так сказала?

— Только что, когда шёл кофе ставить. Прямоугольное, похожее на телефон.

Она открыла заметки на личном компьютере и напечатала:

01:24 по архиву — курьер входит с велосипедом. В реальном времени видела мужчину, похожего на Виктора Ладожина по одежде и походке. Не видела лица. Не видела момента падения. После завершения инструкции увидела курьера лежащим у скамьи. Рядом мужчина на одном колене. Женщина в светлой короткой куртке протягивает прямоугольный предмет, возможно телефон. Через несколько минут двор пуст. Архив перескакивает примерно на девять минут.

— «Примерно»? — прочитал Илья.

— На разных камерах разные секунды.

— А по твоим часам?

Нина посмотрела на историю рабочего вызова. Он начался в 01:25:36 и завершился в 01:34:18. Курьера она увидела после начала, падение — во время проверки дыхания. Система отмечала действия оператора, но не каждую переведённую реплику.

— Я могу привязать к звонку, — сказала она. — Но служебные данные нельзя использовать для двора.

— Тогда не используй.

— Я только время смотрю.

— Ты сейчас после ночи полезешь к Ладожину?

— Сначала в управляющую компанию.

— Поспи.

— Пока архив не перезаписался?

— Сделай запись экрана.

Нина остановилась. Приложение позволяло скачать фрагмент, но доступ выдавался жильцам только для просмотра. В правилах совета дома запрещалось копировать лица соседей без обращения. Она могла снять монитор телефоном, однако тогда любое доказательство начиналось бы с её нарушения.

— Скриншот времени сделаю, — сказала она.

— На скриншоте нет пропуска.

— Сделаю два.

Она сохранила кадр 01:24:58 с курьером и 01:34:01 с пустой скамьей. Потом открыла форму обращения в управляющую компанию.

«Прошу сохранить оригинальные записи всех дворовых камер с 01:20 до 01:40 и журнал работы оборудования. В доступном жильцам архиве отсутствует промежуток около девяти минут. В указанный период во дворе мог находиться человек, нуждавшийся в помощи».

Нина перечитала. Убрала слова «оригинальные» — она не знала, существовал ли другой уровень записи. Вернула: без них можно было сохранить тот же неполный фрагмент.

— Фамилию Ладожина не пишешь? — спросил Илья.

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что не видела лица.

Илья отпил её кофе.

— Значит, вопросы всё-таки помогают.

— Возьми свою кружку.

Она отправила обращение. Система присвоила номер и показала срок ответа: семь рабочих дней.

— За семь дней что угодно перезапишется, — сказала Нина.

— Позвони диспетчеру дома.

Нина набрала номер с квитанции. Ответила сонная женщина. Выслушала номер заявки и попросила подождать.

Через две минуты в трубке прозвучал мужской голос:

— Нина Андреевна, доброе утро. Виктор Ладожин.

Она посмотрела во двор. Из третьего подъезда вышел человек в тёмном пальто и светлом шарфе. Телефон он держал у правого уха. Лицо было поднято к её окну.

— Доброе утро, — сказала Нина. — Почему вы отвечаете по номеру управляющей компании?

— Дежурная переслала мне как ответственному за систему наблюдения. Вы сообщили о пропуске архива.

— Да. Прошу сохранить записи и технический журнал с часа двадцати до часа сорока.

— Конечно. Ночью провайдер обновлял время на сервере. Вероятно, приложение показывает разрыв, хотя записи на месте.

— Вы уже проверили?

— Я получил уведомление раньше вашего звонка.

Во дворе Виктор медленно пошёл к средней скамье. Остановился там, где лежал курьер, и носком ботинка разгреб свежий снег.

— Вы были ночью во дворе? — спросила Нина.

Пауза длилась меньше секунды.

— Я выносил упаковку в контейнер около полуночи. А что случилось?

— Между часом двадцать пять и часом тридцать четыре возле скамьи лежал человек с велосипедом.

— Лежал?

— Я видела его из окна.

— Вы вызвали помощь?

— Диспетчер сообщил полиции. Пока передавали, человек исчез.

Виктор поднял голову. Теперь между ними было восемь этажей и двойное стекло, но Нине показалось, что он смотрит прямо ей в глаза.

— После ночной смены зрение любит достраивать движение в темноте, — сказал он. — Не тревожьтесь. Я проверю камеры и опрошу дворника.

— Не нужно опрашивать вместо полиции. Сохраните журнал и запись.

— Разумеется. Вы правильно сделали, что сообщили. Отдохните, Нина Андреевна. Когда человек переводит чужую панику всю ночь, своей памяти тоже надо дать тишину.

Он завершил звонок.

Нина ещё держала телефон у уха. Илья стоял за её спиной.
— Откуда он знает, что ты переводила панику? — спросил он.

— Знает, где я работаю.

— Не где. Что было этой ночью.

— Это обычная фраза.

Виктор наклонился у скамьи и поднял из снега маленький тёмный предмет. Тот же или не тот, который утром нашёл дворник, Нина определить не могла. Виктор положил предмет в карман и пошёл к арке.

Она открыла записку и добавила:

07:31. Ладожин сообщил об обновлении времени на сервере до проверки журнала. Сказал, что ночью во дворе не был после полуночи. У скамьи поднял небольшой предмет, вид не различим.

Потом исправила «до проверки журнала» на «не сообщил, проверял ли журнал». Первую формулировку она додумала.

Илья прочитал и ничего не сказал.

Нина закрыла приложение камер. На чёрном экране осталось отражение окна напротив. В нём одна за другой гасли кухни, жилыцы уходили на работу, дети выбегали к школе. Десятки людей смотрели в один двор и всё равно могли не видеть одного и того же.

На почту пришёл автоматический ответ управляющей компании: «Заявка передана ответственному лицу В. А. Ладожину. Статус: рассматривается».

Нина сохранила письмо в отдельную папку.

Только после этого заметила, что в своей записи нигде не написала: «Виктор ударил курьера». Она этого не видела.

Но девять минут были.

И теперь человек, которого она видела рядом со скамьёй, решал, сохранятся ли они хотя бы как пропуск.

Глава 2. Полезный сосед

Нина проспала сорок три минуты.

Она легла в восемь, поставила телефон экраном вниз и попросила Илью не будить её до двух. В восемь сорок три во дворе заскрежетала металлическая лопата. Звук шёл снизу ровными ударами: железо по льду, пауза, железо по льду. Нина открыла глаза и сначала не поняла, почему лежит в своей комнате, а рабочий стол остался у брата. Потом увидела на стене бледный прямоугольник от окна и вспомнила курьера.

Телефон показывал три непрочитанных сообщения из домашнего чата.

Первое отправил Виктор Ладожин в 08:11.

«Доброе утро, соседи. Сегодня ночью во время планового обновления серверного времени наблюдался сбой отображения архива. Текущая запись работает. Заявка поставщику направлена заранее, ответ прикладываю. Просьба не распространять предположения о происшествиях до проверки».

Под сообщением лежала фотография письма. Нина увеличила её. На белом листе был логотип обслуживающей компании, номер договора их дома и дата — позавчерашняя. Тема: «Синхронизация времени видеосервера». Ниже сообщалось, что работы пройдут с часа до двух ночи и «возможны кратковременные нарушения доступности архива в пользовательском приложении».

Второе сообщение тоже было от Виктора:

«По просьбе жильца проверяю информацию о человеке, которому могла понадобиться помощь возле средней скамьи. Дворник пострадавшего не обнаружил. Если кто-либо видел велосипедиста между 01:20 и 01:40, напишите мне лично».

Третье отправила соседка из первого подъезда:

«Спасибо, Виктор Андреевич. Всегда всё быстро решаете».

Под ним стояли девять поднятых больших пальцев.

Нина села. Голова была тяжёлой, словно внутри неё не закончилась ночная смена, а просто выключили звук. Она снова открыла фотографию письма. Дата была настоящей, номер договора совпадал с квитанцией. Внизу стояла фамилия инженера и служебный телефон.

Она нажала на номер.

Телефон предложил позвонить. Нина отменила вызов.

В письме не было сказано, что девять минут записи должны исчезнуть. Там говорилось только о доступности архива. Но и Виктор не утверждал, что запись уничтожена. Он написал «сбой отображения». Аккуратная разница, которую большинство людей не станет разбирать после завтрака.

Из кухни донёсся шум воды. Илья не ушёл.

Нина надела халат и вышла. Брат стоял у раковины в куртке, держа под краном пластиковый контейнер.

— Ты почему дома?

— Уже не дома. Вернулся за обедом.

— Ты видел чат?

— Видел.

— Заявка была позавчера.

— Значит, обновление не придумали после твоего звонка.

— Или выбрали время заранее.

Илья закрыл воду.

— Ты сейчас как хочешь: чтобы я проверял твою версию или соглашался с ней?

Нина открыла холодильник, хотя есть не собиралась.

— Проверял.

— Тогда заявка против твоей версии.

— Против версии, что сбой устроили на ходу. Но не против того, что кто-то знал о работах и воспользовался ими.

— Уже лучше.

— Что лучше?

— Ты не двигаешь ворота, когда мяч летит мимо.

Он поставил контейнер в рюкзак. На молнии висел маленький резиновый космонавт, которого Нина подарила ему ещё в школе. Илье было двадцать четыре, он работал техником в мастерской по ремонту бытовой электроники и сердился, если она спрашивала, поел ли он. Космонавта при этом не снимал.

— Ночью ты сказал, что обновляют сервер, — напомнила Нина.

— Потому что так обычно и делают.

— А часы на замершем кадре шли.

— Часы приложение может рисовать поверх видео. Я не знаю их систему.

— Можно выяснить.

— Можно. Только сначала поспать.

Он застегнул рюкзак и посмотрел на неё внимательнее.

— У тебя глаза красные.

— Сорок три минуты мало.

— Ты считала?

— Телефон считает.

— Ложись ещё.

В дверь позвонили.

Илья усмехнулся без радости.

— Быстро он.

Нина ничего не ответила. Она увидела в глазок Виктора и женщину из управляющей компании — невысокую, в синей куртке с серым мехом на капюшоне. Виктор держал папку, женщина — планшет.

— Кто? — громко спросила Нина.

— Ладожин и мастер управляющей компании, — ответил Виктор. — По вашей заявке. Можно уточнить место наблюдения?

Илья показал на её халат.

— Я сам открою.

— Это моя заявка.

Нина вернулась в комнату, надела джинсы и свитер. Когда

она вышла, Илья уже впустил гостей в прихожую, но дальше порога комнаты не провёл.

— Нина Андреевна, знакомьтесь, мастер участка Оксана Петровна, — сказал Виктор. — Решили не откладывать. Сначала посмотрим ваше приложение, потом спустимся к оборудованию.

— Оборудование доступно жильцам?

— Серверный шкаф — нет. Но вы сможете присутствовать в помещении диспетчерской у монитора. Оксана Петровна откроет.

Мастер кивнула.

— Только ничего руками, пожалуйста. Там пломбы.

Нина ждала другой интонации: снисходительной, успокаивающей, той, которой Виктор говорил по телефону. Сейчас он был деловым и удобным. Пришёл не один. Привёл человека, имевшего право открыть помещение. Предложил посмотреть систему. Если бы Нина пересказала это Раде, та спросила бы: чего ещё ты хотела?

— Сначала покажите заявку поставщику не фотографией, — сказала Нина.

Виктор раскрыл папку. В прозрачном файле лежало то же письмо, распечатанное вместе с заголовками электронной почты. Адрес отправителя оканчивался названием обслуживающей компании. Время получения — позавчера, 16:08.

— Можете сфотографировать, — предложил он.

Нина сфотографировала оба листа.

— Почему работы назначили на эту ночь?

— Сервер спешил на семь минут, — сказала мастер. — Жильцы жаловались, что время на роликах не совпадает с телефоном. Поставщик менял службу синхронизации.

— Кто жаловался?

Оксана Петровна посмотрела на Виктора.

— Я собирал обращения, — сказал он. — Три человека. Одному требовалась запись по царапине на машине.

— Имена?

— Без разрешения людей я не стану передавать их сведения. В журнале обращений номера есть.

— Семь минут исправляли девятиминутным пропуском?

— Это и проверяем, — ответил Виктор. — Именно поэтому мы здесь.

Он не спорил. Каждая её претензия превращалась рядом с ним в пункт общего списка, над которым они будто работали вместе.

Нина провела их в комнату Ильи. На столе осталась кружка с высохшим кофейным ободком. Она включила монитор и открыла приложение. Виктор встал в стороне, не касаясь мыши.

На первой камере в 01:24:58 курьер держал телефон. Следующий кадр начинался в 01:34:01. Нина переключила вторую, третью, четвёртую. Оксана Петровна записывала времена в планшет.

— Вот здесь кадр стоит, а цифры идут, — сказала Нина.

— Цифры от проигрывателя, — ответила мастер. — Не внутри картинки. Видео не приходит, проигрыватель свой счёт продолжает.

Илья кашлянул в прихожей. Он говорил то же самое.

— Почему на двух камерах разное начало пропуска?

— Потоки отдельно подключаются, — сказала Оксана Петровна. — Сервер их не одной кнопкой обрубает.

— А заканчиваются почти вместе.

— Потому что служба поднялась.

Нина посмотрела на Виктора.

— Вы уже знали это утром?

— Я знал о плановых работах. Причину того, что видите вы, должен подтвердить поставщик.

— По телефону вы сказали, что провайдер обновлял время.

— Потому что это было в заявке.

— До проверки журнала.

— Да. Я не утверждал, что видел журнал.

Он произнёс это без торжества. Нина вспомнила свою утреннюю запись: сначала написала именно так, потом исправила. Если бы не исправила, сейчас могла бы обвинить его в том, чего он не говорил.

Оксана Петровна попросила показать скриншоты. Нина открыла их на телефоне и переслала на служебную почту управляющей компании. Мастер внесла номер заявки.

— Теперь вниз? — спросил Виктор.

— Я тоже пойду, — сказал Илья.

— Конечно.

Они спустились на первый этаж. Возле лифта стояла коляска, перегородив половину площадки. Виктор переставил её к стене и придержал дверь пожилому мужчине с ходунками. Тот благодарно похлопал его по рукаву.

— Виктор Андреевич, лампочку-то у почтовых ящиков?

— Уже в заявке, Семён Маркович. Сегодня заменят.

— Вот человек, всё помнит.

Виктор улыбнулся и пропустил Нину вперёд.

Серверный шкаф находился в бывшей комнате консьержа. За стеклянной дверцей мигали зелёные огни, гудел вентилятор. Оксана Петровна показала целые бумажные пломбы на боковой панели. На столе стоял монитор с сеткой из шестнадцати изображений: подъезды, лифтовые холлы, двор, контейнеры.

— Архив открывает только поставщик? — спросила Нина.

— Полный — поставщик и администратор от дома, — ответила мастер.

— Администратор Виктор Андреевич?

— Он и ещё председатель соседнего корпуса. Для выгрузки по заявлению.

— Что администратор может сделать?

Виктор ответил сам:

— Выбрать промежуток, скачать его для полиции или

управляющей компании, закрыть от общего просмотра участок с персональными данными. Настройки оборудования меняет поставщик.

— Удалить?

— В пользовательском меню такой кнопки нет.

— А в другом?

— Не знаю, — сказала Оксана Петровна. — У нас договор на обслуживание, а не инструкция для взлома.

Слово прозвучало резко. Нина почувствовала, как Илья рядом перестал переминаясь.

— Я не обвиняю вас во взломе, — сказала она. — Я прошу сохранить промежуток и журнал входов.

— Уже написала, — мастер показала планшет. — Запрет на перезапись с часа двадцати до часа сорока, все камеры двора. Технический отчёт и журнал действий пользователей. Срок ответа — три рабочих дня.

— Утром было семь.

— Семь на обычную заявку. Виктор Андреевич попросил срочную.

Он стоял у двери, оставляя проход свободным.

— Человек мог нуждаться в помощи, — сказал он. — Тут Нина Андреевна совершенно права.

Нина посмотрела на зелёные огни за стеклом. Виктор произнёс её главный довод раньше неё и получил благодарный кивок мастера. Возразить означало бы спорить с собственными словами.

— Можно увидеть текущий список входов администратора? — спросила она.

Оксана Петровна покачала головой.

— После ответа поставщика. Здесь только камеры. Системный журнал удалённо.

— Кто получит ответ?

— Управляющая компания и заявитель.

— Первый заявитель я.

— Вы получите копию, — сказал Виктор.

— Я спрашиваю мастера.

Оксана Петровна подняла глаза от планшета.

— Получите. Адрес у вас в заявке есть.

На улице скрежетала та самая лопата. Дворник отбивал лёд у средней скамьи. Рядом с ним стояли две женщины и мальчик с ранцем. Виктор вышел из подъезда первым.

— Арсен, что-нибудь было ночью? — спросил он.

Дворник опёрся на черенок.

— Снег был.

— Человек лежал, велосипед стоял?

Арсен посмотрел на Нину, затем на женщин.

— Когда я пришёл, никого.

— Во сколько? — спросила Нина.

— Пять без чего-то.

— Вы подняли возле скамьи тёмный предмет.

— Какой предмет?

— Я видела из окна. Маленький.

Арсен нахмурился, потом раскрыл ладонь, будто вспомнил форму.

— Защёлка пластиковая. В тележку кинул. Может, от рюкзака.

— Где она?

— В мусоре.

— Тележку уже выгрузили? — спросил Виктор.

— Машина забрала.

— Жаль. На будущее всё необычное возле лавок складывайте в подсобку хотя бы на сутки.

— Так мусор же.

— Возможно. Но людям спокойнее, если можно проверить.

Одна из женщин вздохнула:

— Виктор Андреевич, вы и так за всеми бегаете. Теперь ещё мусор хранить.

— Не за всеми, Лариса. Только когда человек мог пострадать.

Он спросил у неё, не видела ли она ночью велосипедиста. Лариса жила на втором этаже и ложилась поздно, но окна спальни выходили на улицу. Вторая женщина сказала, что слышала около половины второго хлопок автомобильной двери. Мальчик вспомнил мигающую фару, хотя в это время, по словам матери, спал.

Виктор никого не поправлял. Доставал телефон и записывал: имя, квартира, что видел, что слышал, насколько уве-

рен.

— Не надо собирать показания в общий список, — сказала Нина.

— Почему?

— Люди слышат ответы друг друга. Потом не отличат своё воспоминание от чужого.

Лариса обиделась:

— Я прекрасно отличаю.

— Я не о вас лично. Так бывает со всеми.

— А вы, значит, одна правильно помните?

Виктор убрал телефон.

— Нина Андреевна права. Лучше по отдельности. Если кто-то что-то видел, напишите мне или напрямую участковому, не читая обсуждение.

Лариса посмотрела на Нину уже как на человека, из-за которого удобный разговор превратился в неприятный. Виктор, напротив, оказался тем, кто её услышал.

— И номер участкового дайте в чат, — сказала Нина.

— Дам.

— Не только свой.

— Разумеется.

Он не повысил голос и не спросил, почему она разговаривает с ним как с подозреваемым. От этого её вопросы звучали громче, чем были.

К скамье подошёл мужчина в рабочей куртке и сообщил, что у него третий день течёт труба в подвале. Виктор позво-

нил сантехнику. Потом помог Оксане Петровне сфотографировать наледь у водостока. Потом нашёл в телефоне номер матери мальчика, потерявшего варежку. За десять минут возле него образовалась маленькая очередь из бытовых бед, и каждую он принимал без раздражения.

Нина поняла, почему ему переслали её заявку в семь утра. Не потому, что он заставил. Потому что так было проще всем: дежурной, мастеру, дворнику, жильцам. В доме, где управляющая компания отвечала семь рабочих дней, Виктор отвечал после второго гудка.

Илья тихо сказал:

— Мне пора.

— Иди.

— Ты домой?

— Сначала позвоню в доставку.

— Какую?

На сумке курьера ночью не было различимого названия. Квадратная, тёмная, со светоотражающей полосой. Таких служб в городе было не меньше пяти.

— Во все, — сказала Нина.

Илья посмотрел на неё, но спорить при Викторе не стал.

Нина вернулась в квартиру и составила короткий текст, чтобы не менять формулировки от звонка к звонку: «Сообщаю о возможном происшествии. Курьер с велосипедом находился во дворе по адресу между 01:24 и 01:34. После этого его видели лежащим. Прошу проверить, был ли у вашей

службы заказ или сигнал от сотрудника в этом месте. Имя и номер курьера мне неизвестны».

Первая служба отказалась искать без номера заказа. Вторая попросила фотографию сумки. Третья соединила с безопасностью, где мужчина дважды уточнил, видела ли Нина нападение. Она дважды ответила, что не видела.

— Тогда на каком основании вы запрашиваете персональные данные сотрудника?

— Данные мне не нужны. Проверьте сами, все ли вернулись со смены и не обращался ли кто-то за помощью.

— Наши сотрудники не обязаны отмечать завершение смены.

— Передайте сообщение в безопасность.

— Зафиксировал.

Четвёртая служба работала через приложение и не имела общего телефона. Пятая попросила адрес электронной почты и прислала форму из двенадцати полей. Обязательным было поле «номер заказа». Нина поставила прочерк, форма его не приняла.

В 10:16 ей позвонил Виктор.

— Нина Андреевна, не разбудил?

— Нет.

— Я связался с городским объединением курьерских служб. Они быстро проверили адрес по заказам крупнейших компаний. Ночью доставок в наши четыре дома не было. Один заказ в соседний корпус завершён в двадцать три со-

рок восемь.

— Что за объединение?

— Рабочая группа по безопасности доставки. Я сталкивался с ними по страховому случаю.

— Дайте контакт.

Он продиктовал фамилию, имя и номер. Нина записала.

— Они сказали, что падения не было?

— Сказали, что ни одна подключённая служба не зарегистрировала происшествие по адресу.

— Это не одно и то же.

— Согласен. Человек мог ехать без заказа, работать на маленькую службу или вообще не быть курьером.

Она замолчала. Он опять не стал закрывать удобную щель в своей версии. Наоборот, сам назвал её.

— Вы общались с ними до моего утреннего сообщения?

— спросила Нина.

— После. В восемь двадцать семь отправил запрос, в десять получил ответ.

— Пришлите его целиком.

— Уже переслал вам и мастеру участка.

На почте появилось письмо. Виктор действительно переслал цепочку без обрезанных заголовков. Его запрос был составлен почти теми же словами, что и сообщение Нины: возможное падение, велосипедист, помощь могла требоваться. В ответе перечислялись шесть служб и говорилось: «Заказы и обращения о происшествии по указанному адресу в обо-

значенный период отсутствуют».

— Почему вы решили искать через них, а не полицию? — спросила Нина.

— Полиции вы уже сообщили. Я могу быстрее проверить то, к чему у меня есть рабочий контакт.

— Вам часто попадаются страховые случаи с курьерами?

— Достаточно одного, чтобы сохранить номер.

В комнате Ильи экран погас, и окно снова отразилось в нём тёмным прямоугольником. Внизу Виктор стоял у арки с телефоном возле уха. Нина видела его затылок и светлый шарф.

— Вы сейчас где? — спросила она.

Он повернулся к её дому.

— Во дворе. Осматриваю проезд. На льду уже упала женщина из второго корпуса, к счастью без травмы. Я попросил дворника посыпать.

— Ночью вы были одеты так же?

Виктор не ответил сразу. Нина услышала скребок и далёкий детский крик.

— Ночью я спал, Нина Андреевна.

— Светлый шарф, тёмное пальто, закрытый зонт.

— У половины мужчин во дворе тёмные пальто. Шарфов поменьше. Зонт при снегопаде звучит необычно.

— Я видела именно это.

— Запишите именно это. Не мою фамилию.

— Уже записала.

— Хорошо.

Он сказал «хорошо» не как человек, которого оправдали, а как старший коллега, одоббивший точность формулировки. Нина сжала телефон.

— Вы советовали мне отдохнуть. Теперь советуете, как записывать показания?

— Нет. Я повторяю то, что услышал от вас. Вы не видели лица.

— Зато вы знаете, что я видела.

— Вы рассказали это в чате и по телефону.

— Про зонт я в чате не писала.

Пауза.

— Значит, сказали утром, — ответил Виктор.

Нина прокрутила в памяти их разговор. Она говорила: у скамьи лежал человек с велосипедом. Спросила, был ли Виктор ночью. Про одежду не говорила. Илья слышал разговор целиком.

— Не сказала.

— Тогда, возможно, я предположил из вашего вопроса. У меня есть такой зонт. Вы часто видите меня с ним.

— При снегопаде?

— Иногда. Я не веду журнал зонта.

Впервые в его голосе появилось раздражение — едва заметное, в последнем слове. И тут же исчезло.

— Я не хочу мешать вам отдыхать, — продолжил он. — Отчёт поставщика придёт вам напрямую. Контакт курьер-

ской группы у вас есть. Номер участкового сейчас размещу в чате. Если нужен ещё какой-то конкретный шаг, скажите.

Конкретного шага у Нины не было. Она могла потребовать, чтобы он признал оговорку, но оговорка ничего не доказывала. Зонт был обычным предметом, а Виктор знал, что она связывает фигуру во дворе с ним. Он действительно мог догадаться.

— Не опрашивайте людей вместе, — сказала она.

— Уже учёл.

Он завершил звонок.

Через минуту в домовом чате появился номер участкового, часы приёма и адрес отдела. Следом Виктор прикрепил ответ курьерских служб и написал:

«По шести крупным службам заказов и сообщений о падении не обнаружено. Это не исключает частного курьера или поездку без заказа. Техническую запись сохраняем до получения отчёта. Спасибо Нине Андреевне Беловой за внимательность».

Лариса из первого подъезда поставила сердечко. Кто-то написал: «Вот поэтому и нужен нормальный председатель».

Нина перечитала благодарность. В ней не было ни насмешки, ни ошибки. После неё любое новое возражение выглядело бы желанием спорить с человеком, который сделал всё, о чём его просили.

Она позвонила по контакту из рабочей группы. Ответил тот же мужчина, чья фамилия стояла в письме. Он подтвер-

дил запрос и шесть компаний.

— А если заказ отменили? — спросила Нина.

— Отменённые тоже видны.

— Если отменили задним числом?

— Задним числом обычный клиент не отменит. Служба может изменить статус после обращения, но запись останется у неё.

— Вы проверяли записи или только активные заказы по адресу?

— Каждая компания ответила по своей системе. Мы не имеем доступа внутрь.

— Вы знаете, кто именно проверял?

— Контакты служб могу дать полиции по официальному запросу. Вам — нет.

— Все городские службы входят в группу?

— Нет. Шесть крупнейших. Ещё есть местные, магазины со своими курьерами, самозанятые.

— Велокурьер мог везти частную посылку?

— Мог везти что угодно. Курьерская сумка не лицензия.

Нина поблагодарила и записала ответы. Потом открыла фотографию ночного кадра. Лица курьера не было видно. На сумке — ни буквы. Белый пакет на руле мог быть доставкой еды, лекарствами, чужими документами или его собственными вещами.

Она увеличила нижний край сумки. Изображение рассыпалось на серые квадраты. На правом ремне белело узкое

пятно. Светоотражатель или сломанная застёжка — по кад-
ру не определить.

В дверь снова позвонили.

На площадке стояла соседка с седьмого этажа, Тамара
Глебовна. В руках она держала стеклянную банку, заверну-
тую в полотенце.

— Нина, ты не спишь? Я суп принесла. Илья сказал, ты
после ночи.

— Спасибо, не надо было.

— Бери. Виктор сказал, ты всю ночь человека спасала и
ещё во дворе беду заметила.

Нина взяла тёплую банку.

— Виктор не знает, кого я переводила.

— Ну, работа у тебя такая. Всех спасаешь.

— Он вам сам позвонил?

— Встретились у лифта. Хороший всё-таки мужик. Ма-
стера привёл, курьеров нашёл. А ты не накручивай себя. По-
сле ночи чего только в окне не покажется.

— Курьер есть на записи.

— Ну значит, был. Уехал потом. Молодые крепкие.

— Он лежал.

Тамара Глебовна поправила полотенце на уже переданной
банке.

— Может, телефон под лавку уронил. У меня Вадик так
ложится, когда ключи закатятся. С восьмого этажа тоже по-
думаешь — помер человек.

— Может быть.

— Вот. Поешь и спи.

Она ушла успокоенная тем, что Нина согласилась хотя бы с возможностью. На лестнице встретила кого-то и сразу сказала: «Всё нормально, запись чинят».

Нина закрыла дверь.

Суп пах укропом и куриным бульоном. Обычная забота, которую нельзя было отвергнуть только потому, что началась она с разговора Виктора у лифта. Он не запрещал Нине задавать вопросы. Он отвечал на них быстрее других, сохранял запись, находил контакты, благодарил её публично. А вместе с каждым полезным действием давал двору объяснение, в котором тревога становилась лишней.

Нина поставила банку на стол и открыла свою утреннюю записку. Под фактами добавила:

«Плановые работы подтверждены письмом, полученным за два дня до события. Их связь с пропуском пока не подтверждена техническим отчётом».

«Шесть крупных служб не нашли заказов и сообщений о происшествии по адресу. Это не проверяет малые службы, частную перевозку и человека без активного заказа».

«Виктор назвал закрытый зонт до того, как, по моей памяти, я сообщила ему эту деталь. Проверить по записи разговора невозможно. Илья слышал утренний разговор, но не этот».

Последнюю строку она перечитала дважды. Хотелось на-

писать: «Виктор проговорился». Она не написала.

На экране всплыло уведомление от управляющей компании: статус заявки изменён на «исполняется». Ответственный — О. П. Круглова. Не Виктор.

Нина легла снова, но телефон оставила со звуком. Во дворе перестала скрести лопата. Несколько минут было тихо, затем под окном загудел мотор. Она подошла к стеклу.

У средней скамьи стоял фургон аварийной службы. Оксана Петровна фотографировала люк, Виктор держал ограждающую ленту, дворник сыпал дорожку. Лариса принесла им чай в бумажных стаканчиках.

Со стороны всё выглядело именно так, как должно выглядеть хорошее управление домом: заметили опасность, позвали нужных людей, огородили лёд, никого не оставили одного.

Виктор поднял голову. Нина не отступила от окна.

Он показал ей большой палец: запись сохраняют, вопрос решается.

Потом передал ленту дворнику и помог пожилому мужчине с ходунками обойти скользкое место.

Нина смотрела, как соседи уступают ему дорогу и благодарят по имени. Ночью в пустом дворе он мог быть единственным человеком рядом с лежащим курьером. Утром, при всех, он был человеком, без которого не горела бы лампочка, не приехал бы мастер и никто не сыпал бы лёд.

Обе вещи могли быть правдой.

И если Нина хотела доказать первую, ей нельзя было притворяться, будто второй не существует.

Глава 3. Чужое отрицание

В половине четвёртого Нину разбудил рабочий телефон.

Он лежал в прихожей, чтобы служебные уведомления не смешивались с личными, и звонил редко. Обычно диспетчерская писала расписание в приложении. Звонок означал замену смены, сбой или проверку.

Нина успела сказать «слушаю» прежде, чем окончательно проснулась.

— Нина, это Рада. Ты можешь приехать к пяти?

— У меня смена с восьми.

— Знаю. До смены нужен разговор с Орловой.

Сон ушёл сразу.

Людмила Сергеевна Орлова руководила языковой группой. Она не звонила переводчикам сама и не приглашала «поговорить», если вопрос можно было решить замечанием в карточке вызова.

— По ночному сообщению во двор? — спросила Нина.

— Нет. По случаю в понедельник. Медицинский вызов, комната сто двенадцать.

Нина села на край кровати. За окном было уже темно; короткий зимний день прошёл, пока она спала.

— Мужчина с болью в груди?

— По телефону не обсуждаем. Приезжай к пяти. Я тоже буду.

— Его состояние ухудшилось?

— Нина.

Рада произнесла имя тихо, но это было предупреждение. Служебные сведения нельзя обсуждать вне защищённой линии, даже если Нина помнила голос звонившего лучше собственного сна.

— Поняла. Буду.

Она положила трубку и открыла шкаф. Руки сами достали серую блузку, в которой Нина обычно проходила внутренние собеседования. Только застегнув две пуговицы, она поняла, что делает, и разозлилась. Одежда не меняла запись разговора.

В понедельник мужчина звонил из общежития. Говорил на языке, который Нина знала с детства от матери, но его деревенский говор отличался от городского. Он жаловался на тяжесть под грудиной и онемение левой руки. Фельдшер спрашивал, есть ли холодный пот, тошнота, одышка. Связь трещала. В комнате работал телевизор, рядом спорили двое мужчин.

На один вопрос Нина передала: «Он говорит, что одышки нет».

Через минуту звонивший сказал, что не может дойти до окна.

Тогда Нина переспросила. Мужчина ответил раздражённо, громче прежнего: не говорил он, что одышки нет; он говорил, что воздуха не хватает не постоянно. Нина исправила

перевод. Фельдшер изменил приоритет и передал вызов бригаде с оборудованием для сердца. Потеряли несколько минут.

Позже Рада сказала, что пациент доставлен живым и помощь получил. Нина заполнила форму об ошибке сама. Ей казалось, это худшее уже произошло: признание, разбор записи, обязательная дополнительная смена под наблюдением.

Но проверка не завершилась.

Илья вернулся, когда она зашнуровывала ботинки.

— Ты куда?

— На работу.

— Уже?

— Вызвали раньше.

Он поставил у стены коробку с электрическим чайником. На крышке маркером было написано «ремонт, не включать».

— Из-за двора?

— Нет.

Нина надела пальто. Илья ждал. Раньше она потребовала бы от него объяснить такой же звонок: кто вызвал, почему, во сколько вернёшься. Теперь почувствовала, как вопрос висит между ними с другой стороны.

— Служебная проверка, — сказала она. — Я неточно перевела ответ на медицинском звонке.

— Сильно неточно?

— Передала, что одышки нет. Она была.

— Человек жив?

— Жив. Но бригаду нужного профиля отправили позже.

— На сколько?

— Не знаю точно. Несколько минут.

Илья прислонился к стене.

— Ты мне не рассказывала.

— Не могла обсуждать детали.

— Сейчас обсуждаешь.

— Без имени и адреса.

— Я не про правила.

Нина взяла сумку.

— Потому что исправила сразу.

— Но не сразу рассказала.

Она уже держалась за ручку двери.

— Илья, я опоздаю.

— Конечно.

Он отошёл, освобождая проход. Нина вышла с неприятным ощущением, что спор продолжился без неё и брат в нём оказался прав.

До диспетчерской она ехала на автобусе. За окном тянулись одинаковые дворы, освещённые окна, площадки, занесённые снегом. В каждом доме кто-нибудь смотрел сверху и принимал пятно за человека, шум за удар, молчание за отрицание. Большинство ошибок ничего не меняло. Некоторые меняли, какую машину отправят и как быстро.

Рабочий центр занимал два этажа бывшего училища. На проходной Нина приложила пропуск, расписалась у охран-

ника и поднялась на второй этаж. В общем зале ещё шла дневная смена: голоса переводчиков накладывались друг на друга, но каждый сидел в собственной паре наушников, в чужой аварии.

Рада ждала у стеклянной переговорной. Она не успела переодеться после ночи: тот же зелёный кардиган, собранные волосы, тёмные круги под глазами.

— Ты домой не уходила? — спросила Нина.

— Уходила. Вернулась.

— Из-за меня?

— Я старшая на той смене. Из-за работы.

На столе в переговорной стояли три стакана воды и служебный ноутбук. Людмила Орлова сидела у окна, рядом — мужчина из отдела качества, которого Нина видела на общих совещаниях. Его звали Антон Михайлович. Он проверил, закрыта ли дверь, и включил запись встречи.

— Это внутренний разбор обращения номер сорок семь восемнадцать, — сказал он. — Цель — установить последовательность действий и временно определить допуск сотрудника к категориям вызовов. Нина Андреевна, вы согласны, что присутствующие могут прослушать фрагменты служебной записи?

— Да.

— Вам понятны правила конфиденциальности?

— Да.

Он развернул ноутбук так, чтобы ей был виден проигры-

ватель. Вместо имени пациента — номер. Длина разговора: одиннадцать минут сорок секунд. Справа шли отметки действий фельдшера и диспетчера.

— Сначала расскажите по памяти, — сказала Орлова. — Не объясняйте причину. Только последовательность.

Нина положила ладони на колени.

— Звонивший сообщил о боли в груди и онемении руки. В помещении был сильный фоновый шум. Фельдшер спросил о поте, тошноте и затруднённом дыхании. На вопрос о дыхании я передала отрицание. Позже из ответа о движении стало понятно, что человеку не хватает воздуха. Я переспросила. Он сказал, что отрицал постоянную одышку, а не сам симптом. Я исправила перевод и сообщила старшей смены.

— Почему вы передали полное отрицание?

— Я услышала отрицательную частицу перед словом «постоянно».

— Это уже объяснение, — остановила Орлова. — Дослушаем запись.

Антон Михайлович включил звук.

Нина услышала свой голос, спокойный и немного ниже обычного. Так она звучала на работе: без спешки, даже если спешили все остальные. Фельдшер спрашивал коротко. Мужчина отвечал сквозь треск. На заднем плане телевизор выкрикивал счёт футбольного матча.

Дошли до вопроса о дыхании.

В наушниках раздалась фраза звонившего. Нина знала,

где будет помеха, и всё равно напряглась. Сначала — отрицательная частица. Потом два слова утонули в треске. Затем отчётливо прозвучало «всё время».

На записи Нина сказала фельдшеру:

— Одышки нет.

Антон Михайлович остановил.

— Переведите сейчас всё, что слышите.

Нина попросила повторить фрагмент. Он повторил.

— Дословно: «Не... всё время». В середине неразборчиво. По смыслу может быть «не могу дышать так всё время» или «не задыхаюсь всё время». Полного отрицания симптома здесь нет.

— Почему вы не обозначили неразборчивость?

— Решила, что услышала конструкцию целиком.

— Решили или слышали?

— Решила.

Слово осталось в комнате. Нина вспомнила ночной двор: увидела пальто, шарф и походку, решила — Виктор. В записи написала «мужчина, похожий на Виктора». На работе такой поправки сначала не сделала.

Антон Михайлович продолжил запись. Через две минуты мужчина сказал, что до окна не дойдёт. Фельдшер уточнил причину. Нина переспросила о дыхании. На этот раз звонивший почти закричал: воздуха не хватает, просто приступы накатывают, а не держатся одинаково.

Нина на записи сразу передала исправление.

На временной шкале диспетчер сменил код вызова. Через двадцать восемь секунд адрес ушёл другой бригаде.

— Расхождение между первым и уточнённым переводом — две минуты семнадцать секунд, — сказал Антон Михайлович. — Переназначение увеличило расчётное прибытие ещё на четыре минуты. Фактически специализированная бригада прибыла через тринадцать минут после начала вызова. Пациент госпитализирован. Устойчивого вреда, который можно связать с задержкой, по медицинскому отчёту не установлено.

Нина кивнула.

Фраза была осторожной. Не «вреда не было», а «не установлено». Нельзя заглянуть в другую версию вечера и измерить, что изменили шесть минут.

— Я заполнила сообщение об ошибке сразу после разговора, — сказала она.

— Это учтено, — ответила Орлова. — Как и то, что вы сами подняли руку и запросили старшую. Сейчас нас интересует не честность после ошибки, а её причина.

— Связь была плохой.

— Плохая связь — причина неразборчивости. Почему неразборчивость стала уверенным отрицанием?

Нина посмотрела на Радугу. Та сидела рядом, но не подсказывала.

— До этого он отвечал отрицательно на два вопроса, — сказала Нина. — Не было тошноты. Не было потери созна-

ния. Я ожидала ещё одно отрицание.

— То есть подставили ожидаемый ответ.

— Да.

— Что происходило у вас на линии в тот момент?

— Это был девятый вызов за час. Два ожидали в очереди.

— Вы видели очередь?

— Индикатор.

— Он влияет на содержание перевода?

— Не должен.

— Но повлиял?

Нина хотела сказать, что не знает. Потом вспомнила, как быстро перешла к следующему вопросу, обрадовавшись короткому ответу.

— Да. Я торопилась закрыть список симптомов.

Рада положила ручку на стол.

— Я в тот час распределила перерыв Нины на двадцать минут позже, — сказала она. — В группе не хватало двух человек.

Орлова повернулась к ней.

— Мы разберём нагрузку отдельно. Перерыв не переводит частицу.

— Не переводит. Но объясняет спешку.

— Объясняет не значит снимает ответственность.

— Я и не снимаю.

Нина слышала, как разговор пытается разделиться на две удобные версии. В одной виновата плохая организация сме-

ны. В другой — переводчик, который не переспросил. Обе были правдой, но ни одна отдельно не объясняла, почему именно в той фразе Нина слышала больше, чем прозвучало.

— Я привыкла достраивать говор, — сказала она. — Если человек говорит знакомо, я понимаю пропущенные окончания. Обычно это помогает не заставлять его повторять каждое слово. Здесь я достроила смысл, которого не было.

— Почему не вернулись к нему сразу после помехи?

— Потому что не заметила, что достроила.

Антон Михайлович записал ответ.

— Были раньше похожие случаи?

— С полным изменением смысла — нет.

— А с уточнением после уверенного первичного перевода?

Нина вспомнила женщину, которая говорила «он ушёл» о муже, потерявшем сознание. Нина сначала решила, что мужчина покинул квартиру, потом поняла: женщина употребила слово в значении «отключился». В карточке это осталось как обычное уточнение. Ещё был водитель, который назвал не тот район, потому что пользовался старым названием. Нина исправила адрес до отправки службы.

— Были уточнения, — сказала она. — В карточках отмечены.

— Нам понадобится выборка за три месяца, — сказала Орлова.

Нина почувствовала холод между лопатками.

— Вы считаете, что я системно ошибаюсь?

— Я считаю, что это нужно проверить, а не угадать.

Слова были справедливы и от этого неприятнее.

Орлова придвинула к Нине лист.

— До окончания выборочной проверки вы отстраняетесь от медицинских вызовов второй и третьей срочности. Остаются полиция, пожарные, аварийные службы и справочные соединения. Медицинские линии можете слушать вторым переводчиком без права передавать ответ. Через три смены — контроль.

— А первая срочность?

— Не допускаетесь ко всем медицинским.

— Здесь написано второй и третьей.

— Первую система вам и так не назначает без допуска старшего. На время проверки допуск закрыт.

— На сколько?

— Предварительно на неделю.

— У меня половина нагрузки медицинская.

— Часы сохраняются, категории изменятся.

— Надбавка?

Орлова посмотрела прямо на неё.

— Надбавки за медицинскую категорию не будет.

Нина посчитала раньше, чем успела себя остановить. Неделя — терпимо. Если проверка растянется на месяц, придётся взять деньги из суммы, отложенной на замену окон. Илья собирался съехать и обещал платить свою часть ещё

два месяца, но Нина сама сказала, что не возьмёт после переезда.

— Я подпишу, — сказала она.

— Подпись подтверждает ознакомление, не согласие. Можете приложить объяснение.

— Я согласна с последовательностью.

— С выводом?

Нина перечитала формулировку: «Переводчик передал категорическое отсутствие симптома при неполной разборчивости исходной реплики, не запросив повтор».

— Да.

Она подписала.

Антон Михайлович выключил запись встречи, но никто сразу не встал. За стеклом переводчики продолжали говорить. Молодая сотрудница у крайнего стола показывала рукой, как прижать ткань к ране, хотя собеседник не мог её видеть.

— Есть ещё один вопрос, — сказала Рада. — Ночное сообщение Нины о человеке во дворе попало в журнал старшей смены. Оно не связано с этой проверкой, но если запись запросят, там будет её имя.

Орлова нахмурилась.

— Какое сообщение?

Нина рассказала коротко: видела человека возле скамьи, Рада позвонила на общий номер, пострадавшего не нашли. Не назвала Виктора. Не упомянула пропавший архив — это

произошло уже после смены.

— Вы использовали служебные данные для личной проверки? — спросил Антон Михайлович.

— Посмотрела время начала и конца своего вызова, чтобы установить промежуток наблюдения. Адрес и содержание не копировала.

— Система фиксирует просмотр карточки после закрытия.

— Я открыла историю своей смены до выхода.

Орлова устало потёрла переносицу.

— Больше не открывайте медицинскую карточку ради дворового события. Даже собственную. Время фиксируйте по личному устройству или обращайтесь официально.

— Поняла.

— И не смешивайте две истории. Проверка началась до этой ночи.

— Я знаю.

— Хорошо, что знаете. Потому что человек, которому вы расскажете о дворе, может узнать о временном отстранении и решить, что одно доказывает другое.

Нина подумала о Викторе. Он ещё не знал. Или не должен был знать.

— Результаты проверки конфиденциальны?

— Внутренние документы — да. Сам факт изменения категорий увидят диспетчеры, которые распределяют линии. Коллегам подробности не сообщаем.

— А если кто-то спросит?

— Вы вправе сказать, что идёт плановая оценка допуска.

Это было правдой и одновременно укрытием. Нина представила, как произносит «плановая оценка» Ларисе из первого подъезда. Представила Виктора, который не станет обвинять, а лишь уточнит: не было ли прежде случая, когда усталость изменила услышанное.

— Я скажу, что ошиблась, — сказала Нина.

Орлова подняла брови.

— Кому?

— Если вопрос возникнет. Без данных пациента.

— Не превращайте внутренний случай в публичное показание. Это тоже нарушение границ.

— Я не буду рассказывать содержание.

— Тогда сейчас вам не о чем сообщать соседям.

Нина кивнула. Пока действительно было не о чем. Но она уже чувствовала будущую цену молчания: если Виктор узнает первым и назовёт ошибку вместо неё, любая точность в её рассказе о дворе станет защитой репутации.

Перед началом смены оставалось сорок минут. Рада повела Нину в маленькую кухню для сотрудников. Там пахло разогретой гречкой и растворимым кофе. На подоконнике сохли три кружки.

— Ты нормально? — спросила Рада.

— Да.

— Это автоматический ответ.

— Тогда нет. Но работать могу.

Рада налила воду в чайник.

— Я спорила не для того, чтобы тебя отмазать.

— Знаю.

— Нагрузка была плохая. Я должна была закрыть медицинскую очередь, когда нас осталось трое.

— А я должна была переспросить.

— Одно другому не мешает.

Нина села за стол.

— Мужчина точно жив?

— Точно. Выписан вчера. Бригада написала, что изменение времени прибытия не повлияло на исход.

— Они не могут знать точно.

— Не могут. Но и ты не можешь назначить себе последствия, которых нет в отчёте.

Чайник щёлкнул. Рада насыпала кофе в две кружки.

— Почему проверку продолжили, если он выписан?

— Потому что следующий может не выписаться.

Нина приняла кружку.

— Правильный ответ.

— Другого у меня нет.

Они молчали, пока за стеной кто-то трижды повторял адрес. Нина слушала интонацию переводчика и угадывала, что собеседник путает номера домов.

— Про двор, — сказала Рада. — Ты нашла человека?

— Нет. Плановые работы с камерой подтверждены. Шесть

служб не нашли заказов. Виктор организовал всё быстрее управляющей компании.

— Тот мужчина?

— Да.

— Ты уверена, что это был он?

— Нет. Я уверена в одежде и походке. Лица не видела.

— Тогда почему говоришь его имя?

Нина поставила кружку.

— Потому что утром он упомянул закрытый зонт, хотя я ему про зонт не говорила.

— Может, ты сказала и забыла.

— Может.

— Может, он догадался.

— Может.

Рада смотрела на неё, ожидая продолжения.

— Я записала как возможную оговорку, не доказательство, — сказала Нина.

— Хорошо.

То же слово произнёс Виктор. Нина поморщилась.

— Что?

— Ничего.

— После разбора тебе в каждом вопросе будет слышаться обвинение. Это проходит.

— У тебя было?

— В первый год. Перепутала «под» и «над» в адресе склада. Пожарная машина заехала с другой стороны путей и по-

теряла девять минут.

Нина никогда об этом не слышала.

— Был пожар?

— Горел контейнер с упаковкой. Людей не было. Мне сняли пожарный допуск на месяц.

— Почему ты не рассказывала?

— Потому что чужая ошибка не должна становиться успокоительным для твоей.

Рада сделала глоток.

— Но сейчас тебе надо знать другое: после ошибки очень хочется либо никогда больше не быть уверенной, либо доказать, что ты всё равно самая точная. Оба желания мешают слушать.

Нина вспомнила, как утром требовала у Виктора имена жильцов, жаловавшихся на часы, и как обрадовалась слову «зонт». Ей нужен был факт, который нельзя объяснить иначе. Не потому только, что во дворе мог пострадать человек. Ей хотелось вернуть себе право доверять собственному слуху и зрению.

— Я не собираюсь бросать проверку двора, — сказала она.

— Я не прошу. Только не делай из неё экзамен на свою безошибочность.

В семь сорок пять Нина вошла в зал. На её рабочем экране список категорий изменился. Серые значки медицинских линий стояли замками. Доступны были полиция, пожарная служба, газовая, водоканал, электрические сети и об-

щая справочная.

Соседний переводчик, Саша, заметил замки.

— У тебя медицина слетела?

— Временно сняли допуск. Проверяют ошибку в одном звонке.

Он перестал улыбаться.

— Серьёзно?

— Я передала отсутствие симптома, когда ответ был неразборчивым.

— Пациент?

— Жив. Больше сказать не могу.

Саша кивнул и отвернулся к экрану. Через минуту к Нине пришёл первый запрос — полиция, спор в магазине. Она надела гарнитуру.

Мужчина говорил громко и требовал вернуть паспорт. Полицейский спрашивал, кому документ был передан. В ответе прозвучало отрицание, затем название должности.

Нина почувствовала, как всё тело готовится остановить разговор и переспросить даже то, что слышно ясно. Если она начнёт уточнять каждую частицу, вызов растянется, собеседники станут раздражаться и смысл утонет в проверках.

Она повторила фразу про себя, отделила услышанное от ожидаемого и перевела:

— Он не отдавал паспорт кассиру. Он передал его сотруднику охраны.

— Какому сотруднику? — спросил полицейский.

Нина передала вопрос.

Мужчина назвал имя. Разговор пошёл дальше.

За первые два часа она приняла семь вызовов. В одном связь оборвалась. В другом женщина одновременно отвечала Нине и кричала ребёнку, чтобы тот не трогал плиту. Нина дважды обозначила неразборчивость и один раз попросила повторить адрес. Ни один диспетчер не пожаловался на задержку.

В 22:13 пришло письмо от управляющей компании на личную почту. Телефон лежал в шкафчике, и Нина увидела уведомление только во время перерыва.

Тема: «Промежуточный ответ по заявке о видеоархиве».

Поставщик подтвердил плановую остановку службы синхронизации. Полный технический отчёт и журнал действий обещали на следующий день. В приложении отсутствовал фрагмент из-за «перепривязки временных меток». Содержалось ли исходное видео на сервере, в письме не говорилось.

Копию получили Оксана Круглова, Виктор Ладожин и Нина.

Под письмом находилось новое сообщение от Виктора:

«Как и предполагалось, причина техническая. Завтра уточним возможность восстановить отображение».

Нина перечитала исходный ответ. «Причина техническая» могло означать причину пропуска в приложении. Оно не объясняло, что произошло во дворе во время пропуска. Виктор связал две вещи одним предложением, не произнеся

прямой лжи.

Она начала писать ему ответ, затем удалила. Вместо этого переслала письмо на отдельный личный ящик с темой «Камеры, промежуточный ответ» и добавила к заметке точное время получения.

Когда она вернулась в зал, Рада показала на новый вызов.
— Газовая. Берёшь?

Нина села, надела гарнитуру и приняла соединение.

Женщина жаловалась на запах в подъезде. Аварийный диспетчер спросил, похож ли он на газ или на краску. Женщина ответила длинной фразой: запах не такой, как от плитки, но от него щиплет глаза.

Нина перевела обе части. Не выбрала одну. Не превратила «не такой» в «не газ». Диспетчер отправил бригаду и велел не включать свет.

После разговора Нина увидела, что Рада наблюдает за ней.
— Что?

— Ничего. Работаем.

К полуночи медицинская очередь стала красной. На экране Нины серые замки не исчезли. В соседнем ряду переводчики принимали вызов за вызовом, а она ждала четыре минуты без соединения. Каждая минута ощущалась наказанием, хотя отстранение называлось мерой безопасности.

Нина открыла внутреннее учебное окно и начала прослушивать обезличенные примеры отрицаний. «Не всегда болит» не равно «не болит». «Не могу сказать, что не кружит-

сы» содержит два отрицания, но сообщает о головокружении. «Нет, сегодня хуже не стало» означает, что плохо было раньше. Простые слова меняли направление целой фразы в зависимости от места и паузы.

Она знала это много лет. Знание не помешало ей однажды услышать удобный короткий ответ.

В 01:26 — ровно через сутки после курьера — Нина посмотрела в окно диспетчерской. Оно выходило на парковку и тёмную стену соседнего здания. Ни одного двора целиком, ни одной скамьи. Только камеры над воротами и шлагбаум.

Телефон в шкафчике был далеко. Она не могла открыть домовой архив и проверить, стоит ли Виктор у её подъезда. Не могла спросить Илью, вернулся ли он. Во время работы это было правильно. И всё равно ей казалось, что важное событие происходит именно сейчас, пока она обязана слушать чужие слова.

На экран пришёл полицейский вызов. Молодая женщина заперлась в ванной квартиры и шептала. Полицейский спросил, есть ли у мужчины оружие.

Ответ прозвучал тихо. Нина услышала отрицание, потом слово «видела» и название предмета. Связь зашуршала.

Раньше она могла бы собрать смысл: оружия не видела.
— Повторите, пожалуйста, — сказала Нина на языке женщины. — Вы не видели оружия или видели предмет, который может быть оружием?

Женщина ответила отчётливо: ножа не видела, но мужчи-

на взял из кухни тяжёлую металлическую штуку для заточки.

Нина передала это без названия предмета, которого не знала:

— Ножа она не видела. У мужчины тяжёлый металлический инструмент из кухни, которым точат ножи. Форму сейчас уточню.

Полицейский изменил инструкцию экипажу и попросил женщину не выходить.

После завершения Рада подошла к столу.

— Хорошее уточнение.

— Оно должно быть обычным.

— Станет.

Нина сняла гарнитуру на секунду, чтобы расправить волосы.

— Если завтра отчёт скажет, что видео потеряно из-за обновления, это будет означать только потерю видео.

Рада поняла, о чём она.

— Да.

— Не то, что человека не было.

— И не то, что его ударили.

— Да.

— Тогда у тебя пока две пустоты. В записи и в знании. Не заполняй одну другой.

Нина снова надела гарнитуру.

На экране мигнул следующий запрос. Она приняла его и услышала мужской голос, далёкий, перебиваемый ветром.

На этот раз, прежде чем перевести первое короткое «нет»,
Нина дождалась конца фразы.

Глава 4. Все окна

После ночной смены Нина не стала ложиться. Сон требовал хотя бы одного часа, в котором не нужно было решать, что именно она услышала или увидела. Такого часа впереди не было.

Илья оставил на кухонном столе кружку под перевёрнутым блюдом и записку: «Уехал смотреть комнату. Не проверяй хозяина раньше меня». Рядом лежал лист из общей тетради. Нина накануне начертила на нём двор: четыре прямоугольника домов, проезды, скамья, мусорные контейнеры и стрелки от камер. Теперь она добавила окна, из которых можно было видеть место возле скамьи.

Окон получалось больше ста.

Она зачеркнула те, что выходили на внешнюю сторону домов, затем первые этажи, закрытые припаркованными машинами, и верхние, откуда человека у скамьи можно было принять за тёмную точку. Осталось тридцать семь квартир. Обойти их все утром после смены было безумием. Выбрать только удобные означало заранее искать подтверждение.

Нина разделила лист на четыре сектора и написала сверху: «Не называть Виктора. Не сообщать чужие ответы. Спрашивать сначала свободно».

Она знала, как легко вопрос создаёт воспоминание. «Вы видели мужчину с зонтом?» заставляет человека сначала

представить мужчину с зонтом, а потом искать эту картинку в памяти. Через день он уже может не помнить, откуда взялся зонт. Поэтому Нина составила четыре вопроса.

Бодрствовали ли вы примерно между часом и двумя ночи?

Что привлекло ваше внимание во дворе?

Можете ли вы привязать это ко времени?

Обсуждали ли вы увиденное с кем-нибудь после?

Последний вопрос был не менее важен, чем первые три.

В половине девятого двор наполнялся короткими звуками утра. Хлопали двери подъездов, скребли лопаты, прогревались машины. Снег возле скамьи затоптали. Нина остановилась там, где лежал курьер, и посмотрела вверх.

Днём окна перестали быть светящимися квадратами и сделались тёмными зеркалами. За каждым мог стоять человек, но с земли нельзя было понять, смотрит ли кто-нибудь. Ночью ей казалось, что весь двор видел одно и то же. Теперь стало ясно: большинство жильцов видели только собственное отражение в стекле.

Первой она выбрала квартиру на пятом этаже своего дома, левее их окон. Дверь открыл мужчина в майке и с мокрыми волосами. Нина знала его в лицо, но имени не помнила.

— Я из семьдесят шестой, Белова. Можно задать несколько вопросов про позапрошлую ночь? Я видела во дворе человека, потом не нашла его. Пытаюсь понять, кто ещё не спал.

Мужчина сразу посмотрел через её плечо, будто Виктор

мог стоять у лифта.

— Это который курьер?

Нина отметила слово раньше, чем ответила.

— Откуда вы знаете, что курьер?

— В чате писали.

— Вы сами что-нибудь видели?

— Я слышал.

— Расскажите, пожалуйста, не сверяясь с чатом.

Он нахмурился, но дверь не закрыл.

— Машина приехала. Хлопнула дверца. Потом голоса.

— Во сколько?

— Где-то в два.

— Чем можете привязать?

— Я матч досматривал.

— Какой матч и когда закончился?

Мужчина назвал команды, потом достал телефон. Матч завершился в 00:54. После него он смотрел обзор, заснул на диване и проснулся от машины.

— Значит, могло быть и после часа?

— Наверное. В чате Виктор Сергеевич написал, что камеры обновлялись в два, вот я и запомнил два.

— Голоса различили?

— Нет. Один мужской точно. Или телевизор у соседей. У нас стены такие.

— Машину видели?

— Свет по потолку прошёл. Фары.

Нина записала: «5 этаж, свой дом. Проснулся от света/хлопка, время самостоятельно не определяет. После чата связал с 02:00. Во двор не смотрел».

Мужчина заглянул в блокнот.

— Вы полицию будете вызывать?

— Если появятся сведения о пострадавшем или конкретном происшествии. Пока отделяю то, что люди помнят сами.

— Виктор Сергеевич сказал, сбой обычный. Он уже с мастером разобрался.

— Я спрашиваю не о сбое.

— А о чём тогда?

Хороший вопрос. Нина не смогла ответить одной фразой, не подсказывая ему нужную версию.

— О том, был ли во дворе человек, которому могла понадобиться помощь.

На седьмом этаже никто не открыл. На девятом женщина спросила через дверь, есть ли у Нины удостоверение. На одиннадцатом молодая мать впустила её в прихожую, потому что ребёнок уже тянулся к лестнице.

— Я не спала, — сказала она. — У Миши зубы. Около половины второго его только уложила.

— В окно смотрели?

— Несколько раз.

— Что заметили?

Женщина прижала ребёнка коленом к стене, пока застёгивала ему комбинезон.

— Свет в подъезде напротив. На лестнице то включался, то гас. Ещё у скамейки кто-то был.

— Что именно вы увидели?

— Двоих. Нет, подождите. Одного видела, а про двоих уже в чате прочитала.

Она произнесла это без защиты, и Нина почувствовала благодарность.

— Одного где?

— Возле дорожки. Человек нагнулся. Я ещё подумала, собачник, хотя собаки не было. Потом Миша заплакал.

— Одежда? Рост? Что-нибудь ещё?

— Тёмное. Все зимой тёмные. Может, капюшон.

— Время вы связываете с тем, что уложили ребёнка?

— Да. Я отправила мужу сообщение: «Заснул наконец». Сейчас посмотрю.

Сообщение ушло в 01:22. Следующее, фотография спящего ребёнка, — в 01:47. Женщина не могла сказать, в какой части этих двадцати пяти минут подошла к окну.

— С Виктором Сергеевичем говорили?

— Утром. Он спрашивал, не видела ли я курьера. Я сказала про человека. Он ответил, что мастер проверял камеру, мог ходить по двору.

— После этого вы стали считать, что видели мастера?

— Не знаю. Наверное. А разве не он был?

Нина закрыла блокнот.

— Я как раз не знаю.

В лифте она записала точную последовательность: сначала женщина помнила нагнувшегося человека, после разговора получила возможное объяснение про мастера. Объяснение могло быть верным. Но теперь отделить силуэт от предложенной профессии было труднее.

В соседнем подъезде на четвёртом этаже жил Михаил Петрович, бывший водитель автобуса. Он открыл сразу, словно ждал обхода. На столике возле двери лежал распечатанный лист с объявлением о замене домофонных ключей.

— Про ночной шум? — спросил он. — Уже Виктор приходил.

— Когда?

— Вчера вечером. Правильно сделал, людей успокоил. А то напридумывали нападение.

— Я вам ещё ничего про нападение не сказала.

— В чате было.

— Что вы сами помните?

Михаил Петрович пригласил её на кухню. Его окно смотрело вдоль двора, скамью заслоняла голая липа. Зато проезд между домами был виден целиком.

— Белая машина стояла с аварийкой, — сказал он. — Минут пять, не больше. Потом уехала.

— Марка?

— Эти маленькие все одинаковые. Не седан. Зад высокий.

— Номер?

— Из кухни номер не прочитаешь.

— Во сколько?

— Без десяти два.

— Почему так уверены?

— На часы смотрел.

Он показал электронные часы на микроволновке. Они показывали 09:41, тогда как телефон Нины — 09:34.

— Они спешат на семь минут.

— Всегда спешат. Чтобы не опаздывать.

— Когда вы говорите «без десяти два», вы уже вычли семь минут?

Михаил Петрович замолчал. Потом рассмеялся и потёр подбородок.

— Вот ведь. Нет. На них было без десяти два. Значит, настоящее — без семнадцати.

— Вы Виктору какое время назвали?

— Без десяти.

— Он поправил?

— А откуда ему знать про мои часы?

— Значит, белая машина с аварийкой стояла примерно в 01:43. Плюс-минус сколько?

— Минут пять. Я воду ставил. Пока закипела, она уехала.

— Кто-нибудь выходил?

— Не видел. Липа закрывает половину. Но это не скорая и не полиция.

— Почему?

— Маяков нет.

Нина записала модель чайника. Михаил Петрович хотел помочь и несколько раз возвращался к цвету машины. Сначала белая, потом светло-серая, потом «точно не тёмная». Уходя, Нина попросила его ничего не уточнять в общем чате до вечера.

— Чтобы другие не повторяли мою машину?

— Да.

— Поздно, наверное. Я Виктору сказал, а он мог спросить остальных.

Во дворе Нина увидела самого Виктора. Он стоял возле детской площадки с двумя рабочими и показывал на расшатанные качели. Поверх пальто был надет оранжевый жилет совета дома. Виктор заметил Нину, поднял руку и закончил разговор с рабочим, прежде чем подойти.

— Нина Андреевна, доброе утро. Получили промежуточный ответ?

— Получила.

— Сегодня обещали полный журнал. Оксана пришлёт всем участникам заявки.

— Хорошо.

Он посмотрел на блокнот.

— Собираете показания?

— Спрашиваю, кто бодрствовал.

— Разумно. Только люди уже начитались сообщений и теперь каждый что-то вспоминает. Я вчера поговорил с несколькими. Ничего определённого.

— С кем именно?

Виктор улыбнулся чуть заметно.

— Вы же только что справедливо заметили опасность под- сказок. Если дам вам список, получится моя выборка.

Он пользовался её же осторожностью аккуратнее, чем грубой ложью.

— Тогда скажите, зачем вы обходили квартиры.

— Чтобы понять, был ли реальный повод сохранять архив и беспокоить участкового. После вашего сообщения это моя обязанность как председателя.

— Какие вопросы задавали?

— Видели ли доставщика, драку, лежащего человека. Ни- кто уверенно не подтвердил.

— Вы сразу перечисляли эти варианты?

— Людям проще отвечать на конкретный вопрос.

Нина посмотрела на его жилет. Оранжевую ткань было видно из любого окна. Ночью на Викторе было тёмное паль- то — если это был Виктор.

— Теперь они помнят ваши варианты вместе со своим на- блюдением.

— А после вашего сообщения они помнят ваши. Мы оба влияем на людей самым фактом разговора.

— Я не называла вас.

— Мне?

— Соседям.

Виктор перевёл взгляд на дом напротив.

— Это хорошо. Я бы тоже не советовал произносить имя человека без доказательств.

Фраза звучала как согласие и предупреждение одновременно.

— Михаил Петрович сказал вам про белую машину?

— Светлую. Он не был уверен в цвете.

— Какое назвал время?

— Около двух.

— Его часы спешат на семь минут.

На этот раз пауза Виктора была настоящей. Короткой, но Нина её увидела.

— Полезное уточнение, — сказал он. — Поэтому я и жду системный журнал, а не собираю кухонные часы.

— Системный журнал тоже может показывать не то время.

— Тогда чем вы будете мерить правду? Чайником?

Рабочие у качелей ждали. Один держал гаечный ключ и поглядывал в их сторону.

— Иногда чайник хотя бы не знает, какого ответа от него хотят.

Виктор рассмеялся негромко, будто она удачно пошутила.

— Берегите себя после ночной смены, Нина Андреевна. Недосып очень убедительно соединяет разрозненные вещи.

Он вернулся к рабочим. Нина записала разговор почти дословно, пока помнила порядок реплик. Затем перешла в третий дом.

Там её обход быстро упёрся в домофон. Консьержка не разрешила ходить по этажам без приглашения жильцов. Нина оставила номер и короткую записку без слов «курьер», «нападение» и «Виктор»: «Ищу тех, кто бодрствовал и смотрел во двор между 01:15 и 01:50 позапрошлой ночью. Важно даже отсутствие необычного».

— Отсутствие тоже важно? — спросила консьержка.

— Если человек точно смотрел всё это время и место было видно — да. Если просто ничего не запомнил, это другое.

— Я камеры смотрю, не окна.

— В ту ночь смотрели?

— До часу. Потом обход первого этажа.

— Что было на мониторе перед обходом?

— Снег шёл. Доставщик проехал на велосипеде.

Нина застыла.

— Вы уверены, что на велосипеде?

— С коробом. Они все на велосипедах.

— Вы видели колёса или решили по коробу?

Консьержка раздражённо подвинула журнал посетителей.

— Девушка, я не следователь. Что увидела, то сказала.

— На каком экране?

— На въезде со стороны магазина.

— Во сколько?

— До часу.

На стене висело расписание обходов. Ночной обход начинался в 01:05 и обычно занимал двадцать минут. Курьер, ко-

торого Нина увидела, появился во дворе позже. Значит, консьержка могла помнить другого доставщика или ошибаться во времени.

— В журнале отмечаете начало обхода?

— Отмечаю окончание.

Запись стояла в 01:27. Это не доказывало, что она ушла в 01:05, только соответствовало расписанию.

Телефон Нины завибрировал. Илья прислал фотографию комнаты: кровать у стены, письменный стол, окно на железнодорожные пути. Подпись: «Хозяин настоящий. Комната тоже».

Нина написала: «Радуюсь. Позвони, когда освободишься». Стерла второе предложение. Оставила только: «Радуюсь».

Когда она вышла из третьего дома, позвонила женщина, представившаяся Мариной из квартиры сто четырнадцать. Ночью она работала за компьютером и слышала резкий женский голос.

— Что говорили?

— Что-то вроде «отдайте».

— Вы различили слово?

— Тогда мне показалось, что да. А вчера соседка сказала про телефон, и теперь я думаю, что женщина требовала отдать телефон.

— До разговора с соседкой вы записывали или кому-то пересказывали фразу?

— Нет.

— Можете сказать только, что голос был женским и резким?

— Может, не женским. Высоким. Окно было закрыто.

Нина поблагодарила её. В блокноте рос список не свидетельств, а границ. Свет фар без машины. Нагнувшийся человек без лица. Высокий голос без слова. Белая машина, ставшая светлой. Каждый фрагмент существовал, но соединить их можно было десятком способов.

Оставался четвёртый дом — тот, чьи окна смотрели прямо на скамью.

В подъезде пахло варёной свёклой и влажной шерстью. На доске объявлений висело сообщение о проверке счётчиков, подписанное Виктором. Нина начала с шестого этажа. Две квартиры не открыли. В третьей пожилой мужчина заявил, что спит в берушах. На восьмом девушка видела мигающую аварийку, но только после того, как пошла на кухню за водой; время определила по сообщению, которое отправила в 01:46.

На десятом этаже дверь открыла невысокая женщина в сером шерстяном жилете. Седые волосы были собраны на затылке, на переносице сидели очки с одной новой и одной потёртой дужкой.

— Вы Белова, — сказала она. — Из того окна.

Она показала не на двор, а точно на окно Нининой кухни.

— Мы знакомы?

— Нет. Я Алла Семёновна Корнеева. Но ночью вы стояли у стекла в наушниках, потом исчезли. А вчера ходили к камерам с Ладожиным.

Нина не успела задать первый вопрос.

— Вы видели ту ночь?

— Если пришли спрашивать, заходите. На лестнице всё слышно.

Комната Аллы была узкой и тёплой. Под окном стоял стол с настольной лампой, увеличительным стеклом и разобранным радиоприёмником. На спинке стула висел бинокль в старом кожаном футляре.

Нина посмотрела на него.

— В бинокль смотрели?

— Позже. Сначала глазами.

— Расскажите с самого начала. Я не буду подсказывать.

Алла села у стола, но не предложила Нине чай.

— Я чиню приёмники. Не для заработка, для знакомых. В ту ночь не спала, потому что искала, где отходит контакт. В окне увидела человека возле скамьи. Он лежал на боку. Рядом стоял Ладожин.

Имя прозвучало сразу, без вопроса.

— Как вы его узнали?

— По лицу.

— С этого расстояния?

— Когда он поднял голову. Фонарь светит сбоку. И походка у него — правую ногу бережёт.

Нина подошла к окну. До скамьи было метров семьдесят. Днём лица различались, но мелкие черты нет. Ночью фонарь действительно освещал место сбоку.

— В очках смотрели?

— Я всегда в очках.

— А в бинокль?

— Когда он поднял сумку.

— Какую сумку?

— Курьерскую, квадратную. Сначала она лежала возле велосипеда. Ладожин поднял её и понёс к проезду.

— Вы видели велосипед?

— Колесо и руль. Остальное закрывала скамья.

— Ещё кто-нибудь был?

Алла посмотрела на неё внимательно.

— Женщина в светлом пуховике. Или мужчина небольшой. Стоял ближе к подъезду, держал телефон. Потом ушёл первым.

Нина почувствовала, как её собственная картинка пытается совпасть с этой. Светлый прямоугольник в руке. Женщина. Виктор. Курьер. Слишком удобное совпадение требовало большей осторожности, а не меньшей.

— Вы с кем-нибудь обсуждали это до сегодняшнего разговора?

— С Ладожиним.

Нина опустила ручку.

— Когда?

— Вчера днём пришёл. Спросил, не видела ли я шум. Я сказала, что видела его с сумкой. Он ответил: меня подвело отражение, потому что в то время он был дома.

— После этого ваше воспоминание изменилось?

— Я проверила стекло.

Алла включила настольную лампу и показала отражение. В тёмном окне возникла комната, но фигура у стола отражалась левее скамьи.

— Я сидела здесь. Лампа была направлена вниз. Ладожин стоял там. Я могла ошибиться в лице, но не могла принять собственное отражение за человека с чужой сумкой.

— Почему не позвонили в полицию или скорую?

Алла сняла очки, протёрла край свитера.

— Потому что человек потом встал.

— Сам?

— Не видела. Я искала бинокль. Когда вернулась, он уже сидел на скамье. Ладожин держал его за плечо. Потом подъехала светлая машина. Они посадили человека назад.

— Он мог сесть сам?

— Мог. Я видела только, как дверь закрылась.

— Куда делась сумка?

— Ладожин унёс к проезду. В машину положил или нет — липа закрыла.

— Машина уехала в какую сторону?

— К магазину.

Это совпадало с углом Михаила Петровича, но Нина не

сказала.

— Время?

Алла указала на радиоприёмник.

— В 01:18 началась передача, которую я слушаю в записи. Она длится сорок две минуты. На одиннадцатой минуте я заметила человека. На двадцать шестой машина уехала.

— Вы уверены в минутах?

— Перемотала запись вчера, прежде чем пришёл Ладожин. Я записала.

Из ящика стола Алла достала календарь. На обороте листа было написано: «1:29 — лежит; В. рядом; светлая куртка у 3-го; сумка; 1:44 машина». Чернила слегка расплылись у первой единицы.

— Когда именно записали?

— Утром, после сна. В половине девятого примерно.

— До разговора с кем-либо?

— До Ладожина. В чат я не захожу. Там люди сначала ругаются, потом читают.

Нина сфотографировала лист с разрешения Аллы, положив рядом сегодняшний выпуск районной газеты и включив на телефоне дату. Это не превращало запись в точный прибор. Но последовательность теперь существовала вне их памяти.

— Вы готовы повторить это участковому?

— Готова. Только вы сначала скажите, что сами видели.

— Я не хочу менять вашу версию.

— Уже не измените. Я записала.

— Могу изменить то, как вы её объясняете.

Алла надела очки.

— Тогда не объясняйте. Скажите, почему пришли.

Нина выбрала самые узкие слова.

— Я видела лежащего человека. Видела мужчину, похожего на Виктора Сергеевича. Момента падения не видела. Лица уверенно не различила. Потом во дворе никого не нашла, а в доступной записи отсутствуют девять минут.

— Похожего? Это был он.

— Вы видели лицо лучше меня. Но участковому нужно рассказать не вывод, а как вы его узнали.

— Вы переводчица, да? Всё боитесь лишнего слова.

— Одного уже не побоялась.

Алла не стала спрашивать. Закрыла календарь и положила ладонь на обложку.

— Ладожин сказал, что вы после ночной работы перепутали время. Потом спросил, принимаете ли вы лекарства от тревоги.

Нина почувствовала сухость во рту.

— У кого спросил?

— У меня. Будто я могу знать ваши лекарства. Я ответила, что не знаю и знать не хочу.

— Ещё что говорил?

— Что ложный вызов обойдётся дому в штраф, а пожилых людей будут таскать по отделениям. Штраф он придумал. За

добросовестный вызов штрафа нет.

— Вы это ему сказали?

— Сказала. Поэтому он ушёл недовольный, хотя улыбался.

Алла поднялась и снова посмотрела во двор.

— Вы думаете, он ударил курьера?

— Не знаю.

— Думаете, убрал запись?

— Не знаю. Знаю, что он имел доступ к выгрузке, а поставщик проверяет журнал.

— Удобно вам.

— Нет. Было бы удобно назвать всё одним словом.

Внизу Виктор в оранжевом жилете проверял качели. Рабочий раскачивал сиденье, Виктор держал стойку и смотрел, не движется ли крепление. С десятого этажа он казался человеком, который заботится о безопасности детей.

Алла достала бинокль и протянула Нине.

— Посмотрите.

Линзы приблизили двор. Стали видны царапины на стойке, снег на плечах Виктора, красная нитка на рукаве рабочего. Виктор поднял голову. В круге бинокля его лицо оказалось отчётливым.

Нина отступила от окна.

— Он мог увидеть блик.

— Пусть видит.

— Вы живёте одна?

— Это он тоже спросил.

— Я спрашиваю не затем же.

— Все так говорят.

Нина поняла, что повторила чужой способ: узнала важное и сразу стала распоряжаться безопасностью человека. Алла ещё не соглашалась быть союзницей, подопечной или главным свидетелем. Она просто рассказала, что видела.

— Простите, — сказала Нина. — Если решите говорить с участковым, я пойду вместе. Если не решите, не буду передавать ваше имя без предупреждения, кроме случая непосредственной угрозы жизни.

— Моей или вашей?

— Любой.

Алла подумала.

— Сегодня в шесть. Участковый принимает в соседнем квартале. Пойдём. До этого никому не звоните от моего имени.

— Хорошо.

— И Ладожину не говорите, что я согласилась.

— Он уже знает, что вы видели его с сумкой.

— Знает. Но не знает про запись времени.

Нина убрала телефон и блокнот. У двери Алла остановила её.

— Велосипед потом исчез не сразу. Когда машина уехала, он ещё стоял у скамьи. Через несколько минут свет во дворе моргнул. Потом велосипеда не стало.

— Кто его забрал?

— Не видела. Я снова села за приёмник. Вот это можете записать как мою глупость.

— Это не глупость.

— Для хорошего свидетеля — глупость.

— Хороший свидетель не обязан смотреть непрерывно. Он обязан не добавлять то, чего не видел.

Алла впервые улыбнулась.

— Тогда вы тоже можете оказаться хорошим.

На улице Нина села на холодную скамью у другого подъезда. Перед ней было четыре дома и сотни окон. Из одного видели свет фар. Из другого — силуэт. Из третьего слышали голос. Алла видела больше остальных, потому что сидела у окна, пользовалась биноклем и записала время до общего разговора. Но и она отвлекалась, не видела момента падения, не знала, кто забрал велосипед, и могла ошибиться в объяснении отдельных движений.

Нина перечитала записи и поставила возле имени Аллы не восклицательный знак, а квадрат: проверить независимо.

Телефон снова завибрировал. Илья написал: «Беру комнату. Залог вечером. Это сообщение, не запрос разрешения».

Нина набрала: «Поняла. Поздравляю». Ей хотелось спросить договор, адрес, фамилию хозяина и срок предупреждения о выезде. Она не спросила.

Через двор Виктор попрощался с рабочими. Один унёс

инструмент, второй остался фотографировать закреплённые качели. Виктор снял жилет, аккуратно сложил его и направился к четвёртому дому.

К дому Аллы.

Нина встала. Первым движением было позвонить ей и велеть не открывать. Она остановилась. Алла прямо запретила звонить от её имени, но не запрещала предупредить о конкретном факте.

Нина отправила короткое сообщение на номер, который Алла продиктовала перед уходом: «Виктор Сергеевич сейчас идёт к вашему подъезду. Решение, открывать ли, за вами. В шесть договорённость в силе».

Сообщение получило две серые отметки. Ответа не было.

Виктор вошёл в подъезд. Через минуту на десятом этаже загорелся свет лестничной площадки. Потом погас.

Нина посмотрела на часы и записала время.

Она не могла доказать, зачем он пришёл. Не могла превратить визит в угрозу одним ожиданием угрозы. Но теперь был человек, который видел, запись, сделанная до общего обсуждения, и назначенная встреча с участковым.

Впервые пустота во дворе стала не меньше, а точнее.

Глава 5. Заявка не найдена

Виктор вышел из подъезда Аллы через семь минут. Нина видела его со скамьи: он остановился под козырьком, убрал телефон во внутренний карман и оглядел двор. Если он заметил её, то не показал. Пошёл к своему дому обычным шагом, чуть бережнее ставя правую ногу.

Сообщение от Аллы пришло позже: «Предлагал мастера для окна. Не открыла. В шесть иду».

Нина ответила одним словом: «Хорошо».

Дома Илья складывал книги в коробку из-под микроволновки. На полу лежали три стопки: забираю, оставляю, отдам. Нина остановилась у двери его комнаты, впервые увидев, сколько пустого места уже появилось на полках.

— Комнату взял? — спросила она.

— Залог перевёл. Договор подпишу вечером.

— Поздравляю.

Илья выпрямился, ожидая продолжения.

— Всё?

— А что ещё?

— Обычно список начинается с паспортных данных хозяина.

— Если понадобится помощь с договором, скажешь.

— Нина, ты заболела?

Она бросила в него скомканную газету. Илья поймал её и

улыбнулся.

— Мне нужна помощь с другим, — сказала Нина. — Только если у тебя есть час.

Она рассказала о белой машине, сумке и велосипеде, не называя наблюдение Аллы доказанным. Илья слушал, продолжая складывать книги. Когда Нина дошла до курьерских служб, он достал из коробки ноутбук.

— Ты проверяла только большие доставки, — сказал он. — А человек мог работать через биржу поручений, магазин или вообще по объявлению.

— Шесть служб и две районные группы.

— Районных групп восемь. Ещё есть общий чат курьеров. Туда не попасть без действующего аккаунта, но можно искать объявления о пропавшем велосипеде.

Они сели на кухне. Илья открыл карту и поставил время: с 00:30 до 02:00. Вместо вопроса «кто доставлял в их дом» он искал объявления магазинов, работавших ночью, чеки, отзывы и сообщения о задержках.

Первый след оказался не в службе доставки. В отзыве к круглосуточной аптеке женщина жаловалась, что заказ привезли на сорок минут позже, потому что «курьер застрял у четырёх башен». Отзыв был опубликован утром после события.

— Четыре башни — это наш комплекс, — сказал Илья.

— Или ещё десяток дворов.

— В этом районе так называют только наш.

Они нашли ответ аптеки: доставка выполнялась сторонним партнёром, данные переданы в поддержку. Нина позволила по открытому номеру и представилась жильцом, который разыскивает возможного пострадавшего. Оператор отказался сообщать имя курьера и адрес клиента.

— Можете хотя бы передать ему мой номер? — спросила Нина. — Я видела человека с похожим коробом во дворе.

— Создайте обращение через форму.

— Для формы нужен номер заказа.

— Без номера заказа обращение не привязывается.

— Тогда запишите адрес и время.

— По адресу заявка не найдена.

Фраза прозвучала слишком быстро, будто оператор выбрал готовый пункт.

— Вы проверили доставку аптеки или все заявки партнёра?

— Я могу проверить только заказ по номеру.

— Значит, вы не знаете, была ли заявка по адресу.

Оператор помолчал.

— В доступном поиске по вашему адресу заявка не найдена.

Нина записала точную формулировку. После вчерашнего разбора она особенно ясно слышала разницу между «не было» и «не найдена».

Илья тем временем открыл сохранённую копию страницы аптеки. У партнёра была отдельная форма отслеживания.

Номер заказа покупательницы нельзя было узнать, зато в коде отзыва сохранился ответ магазина с временем фактической доставки — 02:17.

— Если задержка сорок минут, курьер мог быть у нас около половины второго, — сказал он.

— Мог. Но мог застрять где угодно.

— Ты всегда теперь будешь говорить «мог»?

— Пока нет второго следа.

Второй след нашёлся в группе курьеров. Кто-то в 02:06 написал: «Кто забрал велик у Северных башен? Хозяин без связи». Сообщение удалили, но его процитировал другой участник: «Не забирал, видел белый каблук у арки».

— Белый каблук — машина с высоким кузовом, — объяснил Илья. — Как у Михаила Петровича.

Нина попросила показать время и ссылку. Скриншот ничего не доказывал: имя автора скрыто, группа закрыта, цитату можно было изменить. Но маршрут становился уже.

Илья написал администратору группы со своего аккаунта. Ответ пришёл через десять минут: автор удалённого сообщения был курьером Аркадием, он искал знакомого по имени Тимур. Номер Тимура администратор не дал, но согласился переслать сообщение.

Нина сформулировала его без обвинений: «В ночь со вторника на среду я видела во дворе Северных башен человека рядом с курьерским велосипедом. Возможно, ему требовалась помощь. Прошу сообщить только, безопасно ли он

добрался. Мой номер...»

— Напиши про полицию, — предложил Илья.

— Тогда он может не ответить, если сам чего-то боится.

— А без полиции решит, что это подстава.

Они добавили: «При необходимости готова передать сведения участковому».

В полдень пришёл полный ответ поставщика камер. Исходный видеофайл за нужный промежуток на сервере имелся, но его временная шкала была пересчитана после синхронизации. Для просмотра требовалась отдельная выгрузка техническим специалистом. В журнале значились два действия администратора: в 08:12 Виктор поставил запрет на перезапись, в 08:19 создал служебную заявку. Ночных входов под его учётной записью не было.

Нина прочитала письмо дважды. Оно оправдывало Виктора в одном узком месте: ночью он не входил в систему под своим именем. И оставляло открытыми другие: что записано в исходном файле, почему часы на камерах расходились и мог ли действовать другой пользователь.

Илья заглянул через плечо.

— Получается, он не удалял?

— Получается, удаление пока вообще не установлено.

— Но ты думала, что он стёр.

— Я думала, что пропуск может быть связан с его доступом.

— Это красивый перевод слова «подозревала».

Нина закрыла письмо.

— Подозревала. Теперь оснований меньше.

Сказать это оказалось неприятно, но не разрушительно. Если исходное видео сохранилось, его можно было получить. Если на нём не окажется Виктора, придётся изменить версию. Целью было узнать, что произошло, а не выиграть спор.

Телефон Ильи звякнул. Администратор переслал ответ Аркадия: «Тимур жив. Говорить не хочет. Велик потом нашли у магазина без короба».

Нина выдохнула.

— Жив.

Два дня она повторяла себе, что не знает, был ли пострадавший. Теперь хотя бы один человек с подходящим маршрутом существовал и был жив. Но ответ не подтверждал, что именно он лежал во дворе.

— Попроси время, когда пропал, — сказала она.

Аркадий согласился позвонить через защищённый вызов, не показывая номера. Голос был молодой и сердитый.

— Я ничего не заявляю, — сказал он прежде, чем Нина представилась. — Тимур сам разберётся.

— Я не прошу вас обвинять кого-либо. Когда вы потеряли с ним связь?

— В половине второго примерно.

— Чем время подтверждается?

— Он скинул точку в 01:24. Я ответил в 01:27. Потом ти-

шина.

— Можете сохранить переписку?

— Уже сохранил.

— Точка где?

— У вашего двора.

— Он вёз аптечный заказ?

Аркадий усмехнулся.

— Он много чего вёз.

— Аптечный заказ был официальным?

— Был. Только он его сначала отменил.

— Почему?

— Попросили занести ещё пакет в соседний дом за наличные. Он согласился, чтобы не делать крюк. Официальный заказ отметил как проблема с адресом, потом восстановил бы через поддержку.

— Кто попросил?

— Номер из сообщения. Новый аккаунт.

— Адрес?

Аркадий назвал дом напротив Нининого и квартиру двести восемь.

Нина знала расположение квартир. Двести восьмая была на восьмом этаже, окнами во двор.

— Имя получателя?

— «Сергей». Номер теперь отключён.

— Что было в пакете?

— Не знаю. Запечатанный конверт из офиса у метро.

— Вы видели заказ в приложении?

— Тимур скрин прислал. Потом карточка исчезла.

— Исчезла или получила статус отменённой?

— Отменена клиентом. Задним числом время стало 01:11, хотя в 01:24 она ещё была у Тимура открыта.

— Скрины сохранились?

— Один. Где адрес и сумма. Время телефона видно.

Нина попросила передать копию участковому, не ей. Аркадий отказался.

— Тогда хотя бы не удаляйте оригинал. Тимуру нужна медицинская помощь?

— Уже не нужна.

— Где он?

— Не скажу.

— Его били?

Пауза длилась дольше предыдущих.

— Он упал.

— Сам или после чужого действия?

— Спросите у него. Я закончил.

Связь оборвалась.

Илья сидел напротив и записывал время разговора.

— Он врёт, — сказал он.

— Где именно?

— Про «упал».

— Может скрывать. Может повторять слова Тимура. Может не знать.

— Хорошо. Он говорит так, будто боится.

— Это наблюдение.

— Спасибо, преподаватель.

Они нашли сведения о квартире двести восемь в открытом реестре начислений дома. Собственник жил в другом городе. За воду и электричество последние полгода начисляли по минимальному расходу. В объявлениях квартира не сдавалась.

Илья вспомнил, что полгода назад помогал соседу поднимать шкаф и видел дверь двести восьмой.

— Там новый замок и нет звонка. Я думал, ремонт.

— Ты заходил?

— Нет.

— Кто пользуется квартирой, знаешь?

— Иногда мужчина в синей куртке. Не Виктор. Я видел его у лифта пару раз.

— Почему раньше не сказал?

— Потому что до сегодняшнего дня мужчина у лифта не был событием.

Нина записала и это. Большинство важных деталей именно так и существовали: ничего не значили, пока кто-то не предлагал связать их с версией. Опасность заключалась в том, что после связи они начинали казаться значимыми всегда.

К участковому они с Аллой пришли без пяти шесть. Кабинет находился в пристройке к жилому дому, между ремон-

том обуви и пунктом выдачи. Участковый Костин оказался моложе Нины, с красными следами от маски на щеках. Он узнал её фамилию по ночному сообщению.

— Пострадавшего тогда не нашли, — сказал он. — Камеры запросили через управляющую компанию. Что изменилось?

Нина положила на стол отдельные листы: собственное наблюдение, сведения соседей, разговор с Аркадием. Не сводила их в единый рассказ.

Алла рассказала сама. Костин дважды перебил её, когда она называла Виктора нападавшим.

— Удара вы не видели?

— Нет.

— Как человек оказался на земле, не видели?

— Нет. Но Ладожин унёс сумку.

— Вы видели, что она принадлежала лежащему?

Алла сжала губы.

— Она лежала рядом с его велосипедом.

— Я записываю именно это.

Нина слышала собственную манеру в голосе Костина и впервые поняла, как она раздражает человека, который уверен в общей картине.

Костин сфотографировал оборот календаря Аллы, записал данные Аркадия и адрес квартиры двести восемь. Позвонил по номеру «Сергея» — абонент был недоступен. Затем открыл ведомственную форму.

— По квартире официально зарегистрированных вызовов за год нет. Собственнику направляю запрос. По курьеру нужны фамилия и заявление самого пострадавшего.

— Аркадий сказал, что Тимур жив, — сказала Нина. — Номер не дал.

— Через аптеку запросим исполнителя доставки. Это займёт время.

— А квартира?

— Пустующая квартира не преступление. Оснований вскрывать дверь нет.

Алла подалась вперёд.

— Пока вы будете искать основания, они всё вынесут.

— Что именно вынесут?

Она не ответила.

Костин посмотрел на Нину.

— Вы утверждаете, что Ладожин организовал вызов курьера?

Это был момент, когда можно было собрать всё удобное в одно предложение. Виктор возле лежащего человека. Сумка в руках. Пустая квартира. Отменённый заказ.

— Нет, — сказала Нина. — Я утверждаю только, что видела мужчину, похожего на него. Алла уверенно его опознала. Кто создал заказ и что произошло до того, как мы посмотрели в окна, мы не знаем.

Алла резко повернулась к ней.

— Тогда зачем мы пришли?

— Чтобы это установили не по нашей уверенности.

Костин распечатал талон приёма сообщения и отдал копию Алле. Отдельно оформил запрос на сохранение исходного видео, журнала лифтов и входов в дом. Нина заметила, что в строке события он написал: «возможное причинение вреда и перемещение имущества неустановленного лица».

— Почему не нападение? — спросила Алла.

— Потому что пока никто не сообщил об ударе. Если Тимур даст показания, квалификация изменится.

На улице Алла шла быстро, не глядя на Нину.

— Вы его защищаете, — сказала она.

— Нет.

— При полицейском отказались назвать.

— Я назвала, что видела. Если сейчас скажу больше, защита потом разрушит всё на первом расхождении.

— Удобные слова.

— Не удобные. Виктор может быть причастен. Но мы не видели начала.

Алла остановилась у перехода.

— Я видела его лицо.

— Я вам верю. И всё равно лицо возле человека не доказывает удар.

Загорелся зелёный. Алла перешла одна. На другой стороне всё же обернулась.

— Завтра покажу, где он нёс сумку. Не опаздывайте.

Это не было примирением, но договорённость сохрани-

лась.

Илья ждал Нину дома с распечатанным договором аренды. Она прочитала первую страницу, потому что он сам протянул её, и нашла пункт, позволявший хозяину входить без предупреждения.

— Вот это убери, — сказала она. — Или подпиши, если готов.

— Не готов. Спасибо.

— Остальное сам.

Илья забрал лист и открыл почту.

— Аркадий ещё написал. Тимур заходил в наш район через мост в 01:19. Это видно по рабочему трекеру. После отмены заказа маршрут исчез из клиентского приложения, но у курьера может остаться в телефоне.

— Может остаться, — повторила Нина.

— Я уже понял.

В 21:08 пришло уведомление из службы доставки: обращение создано после дополнительной проверки. Указанный адрес нашли в отменённой заявке. Причину отмены и данные исполнителя могли предоставить только полиции.

Первая строка письма всё ещё гласила: «По вашему адресу активная заявка не найдена».

Нина сохранила письмо целиком, вместе с заголовками и временем. Потом открыла блокнот и провела черту между двумя фразами.

Заявка не найдена.

Заявки не было.

Вчера эта разница показалась бы ей придиркой. Сегодня в неё помещались курьер, отменённый маршрут, чужая квартира и несколько часов, за которые запись могла исчезнуть из одного окна системы, не исчезнув из другого.

За стеклом зажигались окна. В квартире двести восемь было темно.

Нина не решила, что там никого нет.

Глава 6. Девять минут

Утром поставщик камер прислал не файл, а приглашение на удалённый просмотр. Ссылка должна была действовать сорок минут, запускаться только с компьютера управляющей компании и требовала присутствия администратора дома. В копии письма стояли Нина, участковый Костин, мастер Оксана и Виктор.

Последний ответил первым.

«Готов обеспечить доступ сегодня с 12:00 до 14:00. Во избежание новых разночтений предлагаю всем заинтересованным лицам присутствовать лично».

Нина прочитала «новых разночтений» дважды. Можно было назвать это уколом. Можно — обычной осторожностью человека, которого уже связали с ночным происшествием. Она сохранила письмо вместе с заголовками и позвонила Костину.

— Я не успею, — сказал он. На заднем плане хлопнула дверь и кто-то спросил про понятых. — Поставщику отправил требование сохранить оригинал. Смотрите, но ничего не скачивайте на личные носители. Если дадут акт — берите копию.

— Без вас просмотр имеет смысл?

— Для вас — чтобы понять, что там. Для дела — только если они потом передадут файл официально. Не спорьте с

Ладожиным о подлинности на месте.

— Я и не собиралась.

Костин коротко усмехнулся.

— Все собираются, пока не увидят то, чего ждали.

В диспетчерской Нина попросила перенести перерыв. Рада посмотрела на часы, потом на очередь немедицинских звонков.

— До двух вернёшься?

— Постараюсь к часу.

— Значит, до двух. И ты там не от имени службы.

— Я понимаю.

— Повтори.

— Я жилец и свидетель. Данные диспетчерской не показываю, служебные разговоры не пересказываю.

— Вот теперь иди.

Комната совета дома помещалась в бывшей колясочной. Между шкафом с квитанциями и стендом пожарной безопасности стоял стол на шесть человек. На стене висели четыре экрана: въезды, арки, лифтовые холлы и двор. Дневной снег делал изображения почти бесцветными.

Виктор уже был там. Он поставил для всех бумажные стаканы и маленькую коробку печенья, словно ожидалось примирительное чаепитие. Оксана сидела у компьютера в рабочей куртке, не снимая шапки. Рядом с ней устроился незнакомый мужчина лет тридцати с тонкими пальцами и красной переносицей.

— Павел Сурков, инженер поставщика, — представил его Виктор. — Специально приехал, чтобы не осталось подозрений в адрес людей, которые обслуживают наш дом.

— Я приехал по заявке на проверку времени, — поправил Павел. — Подозрения я не обслуживаю.

Оксана спрятала улыбку в стакане.

Нина положила перед собой блокнот.

— Можно записывать объяснения?

— Разумеется, — сказал Виктор. — Нам скрывать нечего.

Павел развернул к ней лист с номером заявки.

— Мои объяснения — да. Экран на телефон не снимайте. На нём могут попасть чужие окна и лица. Официальная выгрузка уйдёт сотруднику полиции.

Нина убрала телефон в сумку. Виктор сел напротив, а не рядом с компьютером.

Павел вошёл в служебную программу под временной учётной записью. На экране появились четыре строки с названиями камер и длинные серые полосы. Между цветными отметками стояли цифры, похожие на железнодорожное расписание.

— Сначала о словах, — сказал он. — В письмах у вас встречаются «удалено», «пропало» и «вырезано». Пока ни одно не подтверждено. Исходные куски за этот час на сервере есть.

— То есть запись целая? — спросил Виктор.

— Я сказал: куски есть. Целая ли запись по смыслу и пра-

вильно ли она стоит на шкале, сейчас проверим.

Он выбрал камеру над третьим подъездом. Появился двор в ночь события. В углу шло время: 01:17:42. Снег пересекал свет фонаря. Через арку прошла женщина с собакой. Павел перемотал вперёд. В 01:23:11 изображение замерло: собака вытянула поводок, снежинки остановились в воздухе. Цифры продолжили меняться. В 01:32:08 двор ожил сразу с другой картинкой. Женщины уже не было, возле скамьи темнело пятно, у арки горели фары.

Нина почувствовала, как у неё похолодели пальцы. Она видела этот скачок в общем архиве, только тогда не успела запомнить секунды.

— Вот ваши девять минут, — сказал Виктор. — Камера зависла.

Павел поднял ладонь.

— Это ваши восемь минут пятьдесят семь секунд по экранным часам. Но экранные часы сейчас ничего не доказывают.

Он открыл свойства файла. Вместо одного времени там было несколько: начало записи, создание куска, получение сервером, последняя перепривязка. Нина переписала названия столбцов, попросила произнести медленнее и возле каждого оставила пустое место.

— Камера режет поток на короткие файлы, — объяснил Павел. — Как телефон, который снимает не бесконечный фильм, а складывает рядом много отрезков. Сервер получа-

ет их и ставит по времени. Если часы камеры ушли вперёд или назад, программа может позже переставить отрезки.

— Сама? — спросила Оксана.

— По настройке. Или после команды администратора синхронизировать устройства.

— Команду давал я, — сказал Виктор. — Утром, когда увидел расхождение.

Павел щёлкнул по журналу.

— В восемь двенадцать вы закрыли промежуток от перезаписи. В восемь девятнадцать создали заявку. В восемь двадцать четыре запустилась общая сверка часов. Всё под вашей записью.

— То есть я сохранил данные.

— Да. И после сверки программа заново расставила часть файлов. Это не удаление.

Виктор посмотрел на Нину без торжества, почти сочувственно.

— Рад, что хотя бы этот вопрос можно закрыть.

— Какой именно? — спросила она.

— Что я ночью вырезал запись.

— Ночных входов под вашей учётной записью не было. Это мы уже знали.

— Значит, закрыли.

Нина не ответила. Павел тем временем открыл список ролей пользователей. Возле имени Виктора стояли зелёные отметки: просмотр, выгрузка, запрет перезаписи, скрытие из

общего доступа, управление пользователями. Возле Оксаны — просмотр и обслуживание. Ещё две записи принадлежали поставщику.

— Что значит «скрытие»? — спросила Нина.

— Администратор может пометить кусок служебным, — сказал Павел. — Тогда жильцы его в приложении не увидят. Например, если камера сняла работу полиции, ребёнка без одежды или код домофона крупным планом. На сервере файл остаётся.

— При скрытии остаётся запись в журнале?

— Да.

— Её можно удалить?

— Обычным администратором — нет.

— А необычным?

Павел откинулся на спинку стула.

— Есть технические записи поставщика. Есть обслуживание базы. Но любое действие должно оставить след.

— Должно или обязательно оставит?

— Если систему не ломали с доступом к самому серверу — оставит.

— Сервер здесь?

— Основной — в нашем центре. Здесь буфер, то есть временное хранилище на несколько суток.

— Значит, человек с правами Виктора мог скрыть от жильцов, но не уничтожить основной файл?

— Именно.

— И выгрузить выбранный отрезок?

— Да.

— А потом показать его как запись за другое время?

Виктор шумно поставил стакан.

— Нина, инженер только что объяснил, что время изменилось из-за общей настройки.

— Я спрашиваю не о причине изменения. Я спрашиваю, что технически можно сделать с выгрузкой.

Павел посмотрел сначала на Виктора, потом на Нину.

— Выгруженный файл можно назвать как угодно. Внутри останутся служебные данные, если их специально не переделывать. Но приложение для жильцов показывает не отдельную выгрузку, а то, что стоит в базе.

— Сейчас в базе исходные куски или уже переставленные?

— Файлы исходные. Положение на шкале новое.

— Можно увидеть их в порядке получения сервером, а не по часам камеры?

Павел замолчал. Оксана придвинулась к экрану.

— Можно, — сказал он наконец. — Но это уже диагностический режим. Я не обещаю, что там будет удобно смотреть.

Он позвонил кому-то в свой центр, назвал номер заявки и продиктовал длинную последовательность цифр. Потом открыл чёрное окно со строками. На обычном экране двор снова исчез, вместо него появились имена файлов и время, когда каждый пришёл на сервер.

Нина не понимала половины знаков. Она смотрела только на повторяющийся конец строки. До 01:18 файлы приходили каждые две минуты. Затем следующий кусок появился через две минуты, ещё один — снова через две. Никакой девяти-минутной дыры в получении не было.

— Камера всё время что-то отправляла? — спросила она.

— Похоже на то.

— Тогда почему на просмотре неподвижный кадр?

— Сейчас открою сами куски без общей шкалы.

Первый файл показал ту же женщину с собакой. Второй — пустую дорожку и велосипед у скамьи. В дальнем углу двигалась фигура. Третий начался с белой машины у арки. Павел нажал воспроизведение, и фигура дёрнулась назад, машина исчезла, велосипед оказался в другом месте.

— Это куски не по порядку, — сказала Оксана.

— По порядку получения, — ответил Павел. — Но внутреннее время у них скачет. Вот этот файл камера обозначила как 01:31. Следующий — как 01:22. Сервер принял их с разницей в две минуты.

— Покажите файл целиком, — сказала Нина.

Павел покачал головой.

— На просмотре есть лица. Официально его получит полиция.

— Я уже была на экране?

— Вы были в одном из кусков, когда вышли из подъезда. Но вопрос не в вас.

Виктор встал и прошёл к окну. Во дворе дворник Арсен соскребал лёд со ступеней. На стенном экране это происходило с задержкой в несколько секунд.

— Получается, никакого исчезновения не было, — сказал Виктор. — Куски перепутались при обновлении. Мы зря несколько дней тревожим людей.

— Получается, камера писала, — ответил Павел. — Что именно попало в файлы и где они должны стоять, нужно сверять.

— С чем? Если часы неверные?

— С событием, время которого известно не по этой системе.

Нина провела пальцем по пустым местам в блокноте. Женщина с собакой. Фары. Её собственный выход. В каждом кадре было действие, случившееся и вне камеры.

— Можно взять точное время моего пропуска через домофон? — спросила она.

Оксана кивнула.

— Контроллер двери отдельный. Он у другого подрядчика.

— И время, когда женщина с собакой открыла калитку.

— Если она пользовалась ключом, будет номер ключа и отметка.

— Фары белой машины можно сравнить с шлагбаумом?

— Шлагбаум пишет номера въездов, — сказала Оксана.

— Выезды не всегда. Петля под асфальтом срывает, но

номер машины на выходе камера может не взять.

Павел развернул к Нине диагностический список.

— Нужны события хотя бы до и после спорного места. Лучше несколько. Тогда станет ясно, насколько часы прыгнули в каждом куске.

— Насколько? — переспросила она. — Разве не один раз на девять минут?

Он увеличил столбец внутреннего времени. Разница менялась: минус две минуты двенадцать секунд, потом плюс шесть минут сорок одна секунда, потом снова минус.

— Если бы камера просто спешила, сдвиг был бы одинаковым, — сказал Павел. — Здесь куски расставились по отметкам, которые менялись. Возможно, устройство несколько раз пыталось сверить часы и возвращалось к старому источнику.

— Какому источнику?

— В настройках указан местный сервер дома. А тот должен сверяться с нашим.

Оксана нахмурилась.

— Мы местный источник отключали весной.

— В заявке написано, что отключали для лифтовых камер. Дворовая осталась в старой группе.

— Кто мог менять время на местном сервере? — спросила Нина.

Павел снова открыл права. Доступ был у поставщика и у администратора дома.

— Менять вручную — поставщик. Запускать сверку — администратор. Но я пока не говорю, что кто-то менял. Неправильная настройка тоже объясняет скачки.

— А ночью сверка запускалась?

— Под учётными записями — нет.

— Можно запустить без входа?

— Автоматически по расписанию.

— Расписание сохранилось?

Павел нашёл строку: каждый час в тридцать минут.

— В 01:30 камера должна была проверить время, — сказал он.

Нина посмотрела на свой блокнот. В 01:29, по записи на календаре Аллы, человек уже лежал. В 01:24 Тимур отправил Аркадию точку. Между этими отметками помещалось событие. Ровно в середине спорного промежутка камера сама спросила домашний сервер, который час.

— Что ответил сервер в 01:30?

— В журнале камеры ответа нет. Есть только результат: коррекция на минус восемь минут пятьдесят четыре секунды.

Оксана тихо выругалась.

— Почти ваши девять минут, — сказала она.

Павел кивнул.

— Почти. После утренней общей сверки кусок, который камера считала более поздним, лёг поверх места на шкале. Приложение выбрало неподвижную картинку для промежут-

ка, который не смогло собрать.

— Откуда местный сервер взял неправильное время? — спросила Нина.

— Не знаю.

— Оно могло стать неправильным само?

— Часы могут уйти. Но почти на девять минут за один час обычно не уходят. Могла сохраниться старая поправка, мог перезапуститься сервер, могла повредиться настройка.

— Или кто-то выставил время, — сказала Оксана.

— Или кто-то выставил время, — согласился Павел. — Без журнала самого местного сервера это только один из вариантов.

— Где журнал?

Оксана указала на серую коробку под столом.

Павел опустился на корточки, посветил телефоном за шкаф. Коробка тихо гудела. К ней подходили два провода, один разъём был пуст.

— Это не сервер, — сказал он. — Это только сетевой накопитель.

— Сервер был здесь, — возразила Оксана. — Чёрный маленький блок, без экрана.

Виктор обернулся от окна.

— Его забрали после летнего перегрева. Вы же сами жаловались на запах пластика.

— Накопитель забирали, — сказала Оксана. — Я оформляла вывод. Сервер оставался.

— Значит, позже вывез подрядчик.

— Какой?

— Не помню. Здесь постоянно что-то меняют.

Нина записала: «местный сервер отсутствует; время и причина вывоза неизвестны». Не «Виктор убрал». Не «улика украдена». От точной фразы тревога не стала меньше.

Павел сфотографировал провода и серийный номер накопителя, затем позвонил в центр ещё раз. Ему подтвердили: по документам местный узел числился действующим. Последний сигнал от него поступил сегодня утром в восемь двадцать четыре, когда Виктор запустил общую сверку.

— Как он мог ответить, если его здесь нет? — спросила Оксана.

— Значит, он подключён в другом месте этой сети.

— В каком?

— По адресу сети видно только, что внутри дома.

Виктор вернулся к столу.

— Подрядчик мог перенести его в электрощитовую. Не делайте из обычного беспорядка преступление.

— У вас есть акт переноса? — спросила Нина.

— Я не храню в голове каждый акт.

— Тогда где они хранятся?

— В управляющей компании. Я запрошу.

— Костин уже запросил оборудование и журналы, — сказала она. — Лучше передать ему напрямую.

Виктор несколько секунд смотрел на неё. Вежливость

осталась на лице, но голос стал тише.

— Вы всё-таки решили, что я передвигал время ради человека, которого никто, кроме вас и Аллы, не может уверенно описать.

— Нет. Я решила, что время камеры нельзя использовать как часы.

— Удобно. Когда запись не подтверждает ваш рассказ, вы объявляете неправильным время.

— Неправильным его объявил журнал.

Павел поднял глаза от компьютера.

— Я бы сформулировал так: внутренняя шкала не позволяет установить реальное время без внешней сверки.

— Запишите именно это, — сказала Нина.

— В акте будет.

Он подготовил короткий документ. Нина прочитала его до подписи. В акте говорилось, что исходные видеофрагменты сохранились, признаков удаления штатными средствами не найдено, после автоматической коррекции около 01:30 внутреннее время камеры изменилось на восемь минут пятьдесят четыре секунды, а утренняя синхронизация перестроила отображение архива. Для восстановления последовательности требовалось сопоставить файлы по времени получения сервером и независимым событиям. Местный источник времени по указанному месту установки не обнаружен.

— Добавьте, что у администратора дома есть право скры-

тия и выгрузки, — попросила Нина.

Виктор отодвинул свой экземпляр.

— Это общие настройки, не относящиеся к сбою.

— Относящиеся к вопросу Костина о доступе.

Павел добавил отдельную строку: «Учётная запись администратора дома обладает правами служебного ограничения общего просмотра и выгрузки; следов ночного использования данной учётной записи не выявлено».

Нина подписала только строку присутствовавшего лица. Виктор подписал акт последним и аккуратно промокнул ручку салфеткой.

У двери он догнал Нину.

— У вас перерыв заканчивается, — сказал он. — Не хочу, чтобы из-за двора у вас появились новые неприятности на работе.

— Откуда вы знаете расписание моего перерыва?

— Вы пришли в рабочей одежде и всё время смотрите на часы. Это не тайное знание.

Он улыбнулся. Объяснение было достаточным. Именно поэтому Нине стало не по себе.

На улице она позвонила женщине с собакой. Номер нашла Оксана по ключу калитки, предварительно спросив разрешения передать его. Женщину звали Лариса. Она помнила ночь, потому что пёс порезал лапу о лёд, а дома она сразу написала мужу, чтобы тот достал аптечку.

— Сообщение осталось? — спросила Нина.

— Да. В час двадцать одну.

— Вы уже были дома?

— Только вошла. Телефон сам к домашней сети подключился, и я написала.

— Не могли бы вы сохранить сообщение и не пересылать мне? Участковому понадобится оригинал на телефоне.

— Из-за того мужчины во дворе?

— Из-за времени вашего прохода. Что вы видели, расскажете отдельно, своими словами.

Лариса помолчала.

— Велосипед видела. Человека рядом не помню. Пёс тянул домой.

— Так и запишите, если будете записывать.

Следующим был её собственный домофон. Оксана прислала выгрузку: ключ Нины открыл дверь в 01:36:14 по часам контроллера. Но и этим часам нельзя было верить только потому, что цифры выглядели точными. Нина нашла в телефоне вызов Раде, сделанный уже на улице: 01:36 по сети оператора. Разница была меньше минуты.

В блокноте появилась первая опора.

01:21 — сообщение Ларисы после входа домой.

01:24 — Тимур отправил Аркадию точку.

Около 01:29 — запись Аллы на бумажном календаре, сделанная по её кухонным часам; точность ещё неизвестна.

01:30 — камера получила поправку минус 8:54.

01:36 — ключ Нины и звонок Раде.

01:43 или около 01:36 — фарты, замеченные Михаилом Петровичем по часам, которые спешат на семь минут.

Каждая строка была слабой по-своему. Сообщение можно написать не сразу. Точку телефона можно переслать. Кухонные часы ошибаются. Домофон тоже настраивают люди. Но ошибки этих часов не были одинаковыми и не подчинялись одному человеку.

Нина вернулась на работу в 13:47. Рада молча указала на свободное место. На линии ждал звонок из аварийной службы: мужчина с сильным акцентом объяснял, что вода идёт не из трубы, а по стене от соседей. Нина попросила его показать камерой место течи, затем передала диспетчеру только то, что видела и слышала. Не стала угадывать этаж источника. Не сократила «кажется, сверху слева» до «квартира сверху».

После смены Костин перезвонил сам. Павел уже отправил ему акт и копии исходных файлов.

— Сервер времени ищем, — сказал участковый. — Управляющая компания уверяет, что он в помещении связи второго дома. Ладожин говорит, что в электрощитовой третьего. Подрядчик считает, что оборудование не переносили.

— Значит, никто не знает, где он?

— Значит, три ответа расходятся. Не помогайте мне четвёртым.

Нина рассказала про Ларису и домофон.

— Хорошо. Контакты передайте сообщением. Саму шкалу пока никому в домовом чате не выкладывайте.

— Я не собиралась.

— Алле тоже?

Нина посмотрела на последнее сообщение Аллы:

«Ну что, увидели наконец?»

— Скажу, что запись есть и её время проверяют. Без вывода.

— Правильно.

Она позвонила Алле, не написала. Та выслушала молча.

— Значит, он не стёр? — спросила она.

— Исходные куски сохранились.

— И на них он есть?

— Я не видела их целиком. Полиция получила файлы.

— Вы опять оставляете ему место вывернуться.

— Я оставляю место тому, чего мы пока не знаем.

— А эти девять минут?

Нина посмотрела в окно. На противоположном доме одно за другим зажигались окна. Каждое показывало крошечную часть комнаты: стол, занавеску, плечо человека, потолочную лампу. Ни одно не показывало весь дом.

— Они не исчезли, — сказала она. — Их положили не на то место.

— Кто?

— Пока не знаю.

После разговора Нина перенесла шкалу на большой лист. Не рисовала стрелок между Виктором, курьером и пустой квартирой. Только отметила источники разными цветами:

телефонная сеть, доставка, домофон, камера, часы свидетелей. Возле каждой записи поставила вопрос о погрешности.

Илья вошёл на кухню с рулоном скотча и пустой коробкой.

— Это уже карта заговора? — спросил он.

— Нет. Карта часов.

Он прочитал строки.

— Почему сообщению Ларисы ты веришь больше, чем Алле?

— Не больше. Оно создано чужим сервером сразу после прогулки и не зависит от того, кого она видела. А время Аллы нужно проверить по её часам.

— По телевизору можно. Она его ночью смотрела?

Нина вспомнила включённый без звука экран в комнате Аллы и бегущую строку новостей.

— Возможно.

— Или по лекарствам. У неё коробка пиццит по времени, я видел, когда роутер настраивал.

Нина записала оба варианта.

Илья взял чистый лист, но она накрыла его ладонью.

— Не надо помогать, если собираешься паковать вещи.

— Я могу сам решить, на что потратить десять минут.

Она убрала руку.

Он переписал события в столбик и рядом оставил место для настоящего времени. Вверху написал: «Не подгонять».

— Это тебе или мне? — спросила Нина.

— Всем.

В 22:13 Оксана прислала фотографию шкафа в помещении связи второго дома. Между роутером и блоком пожарной сигнализации стоял маленький чёрный компьютер без экрана. На корпусе белела наклейка поставщика камер. Рядом лежал листок с адресом для входа и датой последней проверки — три месяца назад.

«Нашли», — написала Оксана. — «Дверь открывается мастер-ключом. Он у меня, у аварийки и у председателя».

Через минуту пришло второе фото. На пыльной крышке были две чистые полосы от пальцев.

Нина увеличила снимок и сразу уменьшила. Пыль не показывала, чьи это пальцы и когда они касались корпуса. Она переслала фотографии Костину без подписи о подозрениях.

Потом добавила в свою шкалу ещё одну строку.

01:30 — неизвестный ответ местного сервера изменил время камеры на 8:54.

Не «Виктор изменил». Не «сбой украл».

За точной фразой оставалось всё, что они ещё не знали. Но теперь девять минут были не пустотой. У них появились края.

Глава 7. Скамья

Алла позвонила в семь двенадцать утра.

— Вы сейчас дома?

Голос у неё был хриплый, будто она говорила на лестнице.

— Дома. Что случилось?

— Ничего пока не случилось. Я возле скамьи.

Нина села на кровати. За стеной Ильёй заклеивал коробку; скотч трещал короткими рывками.

— Зачем вы туда пошли одна?

— Потому что днём Арсен чистит снег. Я нашла ту штуку, которую он тогда выбросил.

— Арсен выбросил пластиковую защёлку.

— Он выбросил одну. А эта была под доской. Идите и сами решите, одна она или не одна.

Нина попросила Аллу ничего не трогать. Та ответила слишком быстро:

— Не трогаю.

— Вы уже трогали?

В трубке зашуршало дыхание.

— Палкой подвинула снег. Руками нет.

Нина надела свитер поверх футболки и вышла, не умываясь. Илья проводил её взглядом из коридора.

— Что теперь?

— Алла нашла вещь под скамьёй.

— Я с тобой.

— Ты сегодня договор подписываешь.

— Вечером. Не выдавай заботу за приказ.

Он натянул куртку раньше, чем она успела возразить.

Во дворе было тихо. Снег за ночь стал зернистым, на дорожках проступил серый лёд. Алла стояла возле скамьи с лыжной палкой в руке. На ней был длинный пуховик и вязаная шапка, надетая неровно. Рядом темнела ямка, которую она проковыряла под нижней доской.

— Вон, — сказала она.

На мокром снегу лежал чёрный пластиковый обломок длиной с два пальца. Один край был гладким и закруглённым, другой белел свежим на вид изломом. Через прорезь проходил короткий кусок серой ленты.

Нина остановилась в двух шагах.

— Где именно он был?

Алла показала концом палки.

— Под сиденьем, ближе к урне. Сверху снег, но немного. Я увидела ленту.

— Вы достали его оттуда?

— Подтолкнула. Один раз.

— С какой стороны?

— Какая теперь разница?

— Такая, что на месте он уже не лежит.

Алла сжала губы.

— Значит, зря позвонила?

— Нет. Просто нужно точно записать, что вы сделали.

Нина достала телефон, включила камеру и сфотографировала общий вид: скамья, урна, след от палки, чёрный обломок. Потом сняла ближе, не приближаясь ногами. Илья обошёл по чистому снегу и сфотографировал с другой стороны.

— Похоже на застёжку от сумки, — сказал он.

— На половину застёжки, — поправила Нина.

— На ту, что была у курьера, — сказала Алла. — Я же видела квадратную сумку.

— Цвет ленты вы тогда различили?

— Ночью всё было тёмное.

— Значит, пока это застёжка от какой-то сумки.

Алла опёрлась на палку обеими руками.

— Вы умеете любую вещь превратить в «какую-то».

— А Виктор умеет чужую уверенность превратить в ошибку. Если мы сами скажем больше, чем видим, ему ничего делать не придётся.

Нина позвонила Костину. Он выслушал, спросил, прикасались ли к предмету руками, и велел оставить всё на месте.

— Приеду не раньше чем через сорок минут. Если дворник начнёт убирать, остановите. Без скандала.

— А если предмет кто-то заберёт?

— Снимайте непрерывно издалека. Сами не хватайте.

— Сорок минут на морозе?

— Вы же хотели порядок действий.

Алла услышала последние слова.

— Я постою, — сказала она.

— Вы пойдёте домой, — ответила Нина. — Мы с Ильёй дождёмся.

— Это я нашла.

— Поэтому ваше состояние важнее предмета.

Алла вскинула подбородок.

— Не надо делать из меня старуху, которой опасно выйти во двор.

— Хорошо. Тогда скажите: вы завтракали?

— При чём здесь это?

— Вы дрожите.

— Я замёрзла.

Илья молча расстегнул рюкзак и достал термос. Он носил кофе, когда перевозил коробки к новой комнате. Налил в крышку и протянул Алле.

— С сахаром, — предупредил он. — Если нельзя, не пейте.

Она взяла крышку, понюхала и сделала глоток.

— Можно. Только кофе у вас ужасный.

— Зато улика останется под наблюдением.

Алла почти улыбнулась.

Первые десять минут никто не подходил. Нина держала телефон так, чтобы в кадре были скамья и время на экране второго телефона Ильи. Она понимала слабость такой записи: время можно изменить, видео — оборвать. Но непрерывность хотя бы показывала, что после их прихода предмет не

подменяли.

Потом из третьего подъезда вышел Арсен с широкой лопатой. Увидев троих возле скамьи, замедлил шаг.

— Не чистить здесь, — сказала Алла раньше Нины. — Полиция едет.

Арсен поставил лопату на ребро.

— Опять из-за той ночи?

— Вы тогда нашли такую же штуку? — спросила Нина, не прекращая съёмку.

Он присел на корточки, но она попросила не подходить ближе.

— Пластмасса была, — сказал Арсен. — Чёрная. Я в урну кинул.

— С лентой?

— Не помню.

— Где нашли?

— У дорожки.

— Покажите оттуда, не наступая сюда.

Арсен ткнул рукавицей в сторону скамьи.

— Где-то рядом.

— Между скамьёй и дорожкой или с другой стороны?

— Нина, снег чистил, не раскопки делал. Вот тут, может. Или там.

Он показал два места в трёх метрах друг от друга.

— Почему запомнили пластик?

— Потому что колесом лопаты зацепил. Щёлкнуло.

— Он уже был сломан?

— Наверное.

— Или сломался от лопаты?

Арсен пожал плечами.

— Может, я сломал. Если дорогая вещь, заплачу.

— Не в этом дело.

— У вас теперь всё дело.

Он отошёл к другой дорожке. Алла проводила его сердитым взглядом.

— Он всё прекрасно помнит.

— Может помнить только звук, — сказала Нина.

— Конечно. Все вокруг вдруг ничего не помнят.

На балконе первого этажа открылась дверь. Женщина вытряхнула маленький коврик, увидела телефон Нины и скрылась. Через несколько минут в домовом чате появилось сообщение: «Что опять снимают у детской площадки?»

Виктор ответил почти сразу: «Проверю, прошу не волноваться».

— Сейчас придёт, — сказал Илья.

— Пусть, — отрезала Алла.

Виктор появился без пальто, в короткой куртке и домашних брюках. Будто вышел только на минуту, но на ногах у него были ботинки, аккуратно зашнурованные. Он поздоровался со всеми и остановился за спиной Нины, не попадая между камерой и скамьёй.

— Что нашли?

— Пластиковый фиксатор с лентой, — сказала Нина. — Костин едет.

— Можно посмотреть?

— Отсюда.

Виктор наклонился, держа руки за спиной.

— Защёлка от крепёжного ремня.

— От какого?

— От любого. Ими коробки крепят, сумки, детские санки.

— Арсен находил рядом похожую после той ночи, — сказала Алла.

— Арсен каждый день находит по полведра мусора.

— Этот был под скамьёй.

— Где подростки сидят вечерами.

Виктор говорил спокойно и всякий раз предлагал объяснение, которое не требовало лжи. Нина замечала, как готовая связь ослабевает при каждом слове. Квадратная сумка могла иметь застёжку. Но застёжки были на сотнях вещей. Две половины могли принадлежать одному замку. Или двум одинаковым. Арсен мог найти первую после происшествия. Или сломать старый мусор лопатой.

— Хорошо, что вызвали Костина, — сказал Виктор. — Пусть зафиксирует. Только людей не пугайте словом «улика».

— Никто не называл это уликой, — ответила Нина.

Илья кашлянул. Именно это слово он произнёс дома, но не во дворе. Виктор мог догадаться сам.

— Тогда тем более, — сказал тот.

Он ушёл к своему подъезду. Нина продолжала держать телефон. Через пять минут Виктор вернулся с прозрачным ящиком для мелкого ремонта. Поставил его на край урны, открыл крышку и вынул горсть чёрных пластиковых застёжек.

— Чтобы сразу снять лишнее напряжение, — сказал он.

— В кладовой остались ремни после перевозки складных столов. Таких деталей там десятки.

Застёжки и правда были похожи: чёрные, с закруглёнными краями, под серую ленту. Некоторые целые, две сломаны.

Алла шагнула к нему.

— Вы сейчас принесли мусор и хотите сказать, что наш мусор такой же?

— Я хочу сказать только то, что говорю. Такие застёжки есть в общей кладовой.

— Откуда они там?

— От ремней.

— Кто ими пользовался той ночью?

— Не знаю.

— А ключ у кого?

— У совета дома, дежурного и Арсена.

— То есть у вас.

— В том числе.

Виктор не спорил с очевидным. Это делало его объяснение крепче.

Нина попросила показать одну целую застёжку, не вынимая из ящика. На боковой части был выдавлен маленький ромб. У найденного обломка видимая половина оставалась гладкой.

— Производитель другой, — сказала она.

— Или знак на второй половине.

— Или другой.

— Именно. Поэтому сравнивать надо специалисту, а не нам.

Он повторил её собственный способ рассуждать и вернул его против неё без единой насмешки.

Костин приехал через двадцать восемь минут после звонка. Был в форме, но без служебной машины. За ним шёл молодой сотрудник с чёрным чемоданчиком. Виктор сразу предложил им комнату совета, горячий чай и список ключей от кладовой.

— Сначала место, — сказал Костин.

Нина остановила запись только после его разрешения. Назвала точное время начала и конца съёмки, показала первые фотографии и передала телефон, не отправляя файлы через мессенджер. Молодой сотрудник положил рядом с предметом линейку, сфотографировал, затем поднял обломок пинцетом и убрал в бумажный пакет.

— Почему не в пластиковый? — спросила Алла.

— Чтобы влага не запиралась, — ответил он.

— Там отпечатки будут?

— На мокром пластике после снега — маловероятно. Но решать эксперту.

Костин отдельно записал со слов Аллы, где она увидела ленту и как двигала снег лыжной палкой. Она сначала сказала, что предмет не касалась. Нина напомнила про палку.

— Я же сказала: палкой снег, не саму вещь.

— След на снегу доходит до неё, — заметил молодой сотрудник.

Алла покраснела.

— Может, задела. Не почувствовала.

Костин записал и это.

— Теперь всё испорчено? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Теперь известно, что предмет мог быть сдвинут. Это не одно и то же.

Нина заметила, как Алла взглянула на неё. Почти те же слова она говорила раньше, но из уст Костина они прозвучали не как недоверие, а как порядок.

Виктор открыл ящик с застёжками.

— Прошу приобщить и сведения о возможном происхождении. Иначе жильцы решат, что нашли часть курьерской сумки.

— А это не она? — спросил Костин.

— Не знаю. Но похожие детали у нас есть.

— Ящик не трогайте.

Молодой сотрудник сфотографировал содержимое. На дне лежали мотки лент, шурупы, уголки для мебели и об-

рывки упаковки. Под одной застёжкой виднелся лист выдачи инвентаря.

— Эти ремни когда использовали? — спросил Костин.

— Последний раз на осеннем собрании, когда столы носили во двор, — сказал Виктор.

— Кто складывал обратно?

— Арсен и двое жильцов. Фамилии уточню.

— Кладовую после этого открывали?

— Конечно. Там инструменты.

— Журнал ключей есть?

— Для общей кладовой не ведём.

— А для комнаты связи?

— Электронный замок пишет входы.

Костин поднял голову.

— Вчера вы говорили, что сервер может быть в электрощитовой третьего дома.

— Я предположил. Оксана нашла его во втором.

— Почему оборудование по документам числится в колясочной?

— Этот вопрос к подрядчику.

— Он говорит, что не переносил.

Виктор развёл руками.

— Тогда к прежнему председателю. Я принял хозяйство с десятками несоответствий.

Даже рядом с найденным предметом разговор снова возвращался к документам, доступам и словам. Нина смотрела

на мокрую ямку под скамьёй. Там уже не было ничего, кроме отпечатка линейки и двух капель растаявшего снега.

Костин попросил Виктора принести оба ключа от кладовой и список членов совета. Когда тот ушёл, Алла наклонилась к участковому.

— Он специально принёс похожее.

— Возможно, — сказал Костин.

— Чтобы вы решили, что это мусор.

— Возможно.

— И всё?

— А что вы предлагаете мне записать как факт?

Алла посмотрела на Нину, будто та заранее научила его отвечать.

— Что сумка порвалась здесь. Одну половину нашёл дворник, вторую — я.

— У первой половины нет фотографии, — сказал Костин.
— Её выбросили. Арсен не уверен, где нашёл и сломал ли сам. Вторая похожа на застёжку от ремня. Если эксперт увидит на ней материал сумки или совпадение с вещью Тимура, значение изменится.

— А если Тимур выбросил сумку?

— Тогда сравнивать будет не с чем.

Алла отвернулась.

Илья отнёс термос в рюкзак и тихо сказал Нине:

— Она хочет, чтобы хоть одна вещь оказалась твёрдой.

— Я тоже хочу.

— По тебе не видно.

— Потому что если я начну хотеть вслух, вещь не станет твёрже.

Костин услышал конец фразы.

— Хотеть можно, — сказал он. — В протокол не надо.

Виктор вернулся с ключами на металлическом кольце. На одном была красная изолента, на другом синяя. Костин сфотографировал их и переписал номера. Электронный журнал комнаты связи он запросил у подрядчика замков.

Перед уходом молодой сотрудник осмотрел урну. Мешок внутри был новый. Арсен объяснил, что мусор вывозили утром после происшествия и с тех пор уже трижды.

— На площадке контейнеры под камерой? — спросила Нина.

Виктор ответил раньше Арсена:

— Камера видит въезд, не содержимое баков.

— Машина вывоза отмечает маршрут, — сказал Илья. — У них вес кузова бывает.

Костин записал название подрядчика, но без энтузиазма.

— Вес общего мусора не найдёт кусок пластика.

— Зато покажет время, — ответила Нина.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Для шкалы?

— Машина могла попасть на дворовую камеру или перекрыть обзор. Если куски стоят не там, её маршрут даст ещё одну точку.

— Запросим. Но к застёжке это отношения почти не имеет.

— Я понимаю.

Костин убрал блокнот.

— Вот и хорошо. Не заставляйте каждую найденную вещь доказывать весь рассказ.

После его ухода Виктор раздал жильцам, собравшимся у подъезда, простое объяснение: полиция забрала сломанную застёжку, похожие хранятся в общей кладовой, опасности нет. Он не сказал, что находка не имеет значения. Не сказал, что Алла ошиблась. Всего лишь поставил рядом два факта в таком порядке, что вывод возникал сам.

В домовом чате через полчаса уже писали: «Нашли старый ремень и опять вызвали полицию».

Алла прислала Нине снимок экрана.

«Так он делает со всем».

Нина ответила: «Да. Поэтому мы отдельно сохраняем, что найдено, и отдельно — его объяснение».

Алла долго не читала сообщение.

Дома Илья продолжил паковать книги. На верхней полке остался светлый прямоугольник, куда не попадала пыль.

— Подпишешь сегодня? — спросила Нина.

— Если хозяин убрал пункт про вход без предупреждения.

— Убрал?

— Прислал новую версию.

Нина кивнула и не попросила показать. Илья достал из стопки потрёпанный атлас, раскрыл наугад и вложил между страниц старую фотографию матери.

— Это случайно осталось у меня, — сказал он. — Заберёшь?

На фотографии они стояли втроём у дачного дома. Илье было двенадцать, Нине двадцать пять. Мать держала руку у него на плече, а Нина смотрела не в объектив, а куда-то за край кадра.

— Оставь себе.

— Ты уверена?

— Да.

Он положил атлас в коробку. Нина почувствовала привычное желание напомнить, чтобы не потерял, не помял, не оставил у случайного хозяина комнаты. Вместо этого пошла на кухню и открыла фотографии с места находки.

На общем плане было видно, что снег под скамьёй темнее у самой урны. Чуть дальше проходила узкая борозда. Она могла остаться от лыжной палки Аллы. Но начиналась борозда не у края, откуда Алла показывала, а со стороны дорожки.

Нина позвонила ей.

— Когда вы увидели ленту, где стояли?

— Перед скамьёй.

— Со стороны подъезда или площадки?

— Со стороны подъезда.

— Палку держали правой рукой?

— Правой. А что?

— На фото след идёт с другой стороны.

Алла замолчала.

— Значит, до меня кто-то двигал.

— Может быть. Или вы обошли скамью и забыли.

— Я не обходила.

— Хорошо. Я сохраню вашу формулировку.

— Вы мне верите?

Нина посмотрела на увеличенный снимок. В белом снегу любая тёмная линия казалась намеренной.

— Я верю, что вы помните себя со стороны подъезда. След требует отдельного объяснения.

— Иногда можно просто сказать «да».

— Можно. Но вы ведь спрашиваете не про доверие ко всему, что вы говорите. Вы спрашиваете, доказывает ли этот след чужое присутствие.

— Я спрашиваю, считаете ли вы меня вруньей.

— Нет.

На этот раз ответ вышел сразу.

Алла выдохнула.

— Тогда приходите вечером. Покажу, где он нёс сумку. Пока опять не выпал снег.

Они встретились в восемь. Алла не взяла бинокль, только фонарик. Поднялись на её десятый этаж, но вместо квартиры она повела Нину на общий балкон лестницы. Оттуда скамья

была видна сбоку, арка — целиком, а дорожка к третьему подъезду скрывалась за елью.

— Я стояла в комнате, — сказала Алла. — Но когда машина приехала, вышла сюда. Хотела лучше рассмотреть номер.

— Раньше вы говорили, что смотрели из окна.

— Сначала из окна. Потом отсюда.

— Костину вы это сказали?

— Не спросил.

— Вы видели Виктора отсюда?

— Уже со спины. Он шёл туда.

Алла направила фонарик на дорожку. Луч не доставал до низу, отражался в стекле.

— Сумка была в правой руке. Он держал её за верх, и что-то свисало.

— Лента?

— Может, лента. Я тогда подумала, ремень.

— Почему раньше не сказали?

— Потому что вы спрашивали, квадратная ли сумка и какого цвета машина. А про ремень никто не спросил.

Нина записала: «Алла вспоминает свисающую деталь после обнаружения застёжки». Эта последовательность не делала воспоминание ложным. Но могла его изменить.

— Что? — спросила Алла, видя её лицо.

Нина показала запись.

— Вы думаете, я придумала ремень из-за этой штуки.

— Я думаю, находка могла помочь вспомнить или могла добавить деталь. Мы не знаем.

— А если я до завтра вспомню, что на ремне была пряжка, вы вообще ничего не запишете?

— Запишу и время, когда вы вспомнили.

Алла выключила фонарик.

— С вами невозможно победить.

— Я не пытаюсь победить вас.

— Не меня. Его.

Внизу хлопнула подъездная дверь. На дорожку вышел Виктор с мусорным пакетом. Он остановился у урны, посмотрел на пустую скамью, затем поднял голову. С десятого этажа нельзя было понять, увидел ли он женщин за стеклом.

— Вот, — прошептала Алла. — Даже сейчас проверяет.

Виктор бросил пакет и ушёл.

— Или выносит мусор, — сказала Нина.

Алла рассмеялась без веселья.

— Вы когда-нибудь позволите себе увидеть то, что происходит?

Нина не нашла ответа. Она видела Виктора возле скамьи второй раз. Видела, как он принёс похожие застёжки. Знала, что у него есть ключи от помещений и права в системе. Но каждое действие по отдельности помещалось в обычную жизнь председателя дома.

По пути вниз Алла остановилась на площадке восьмого этажа и прижала ладонь к груди.

— Болит? — спросила Нина.

— Изжога. Бывает.

— Сядьте.

— Не командуйте.

Алла постояла, медленно вдохнула и пошла дальше. У своей двери достала таблетки из кармана и проглотила одну без воды.

— Что это?

— От давления.

— Вы сказали, изжога.

— Потому что если скажу про давление, вы вызовете скорую.

— Если боль в груди и она не проходит, вызвать нужно.

— Уже прошло.

Нина посмотрела на часы и записала время, прежде чем успела остановить себя.

Алла заметила.

— Даже меня на свою шкалу поставили?

— Я волнуюсь.

— Тогда скажите это, а не записывайте.

Нина убрала блокнот.

— Я волнуюсь. Позвоните мне, если повторится. Но лучше звоните сразу в скорую, не мне и не Виктору.

— Почему не Виктору?

— Потому что помощь должна ехать к вам напрямую.

Алла открыла дверь.

— Вот это я запомню.

Ночью Костин прислал номер регистрации изъятого предмета. Ни слова о том, считают ли его важным. Нина добавила номер под фотографиями и сохранила копии в отдельную папку.

В чате продолжали шутить про «расследование старой пуговицы». Виктор никого не поправлял. Только написал: «Прошу уважать обеспокоенность соседей и дождаться официальной проверки».

Его сообщение собрало двадцать три отметки благодарности.

Нина посмотрела на снимок обломка. В увеличении были видны царапины, крупинки песка и серое волокно. Он мог оказаться частью сумки Тимура. Мог оказаться ремнём от складного стола. Мог ничего не изменить.

Она назвала папку не «застёжка курьера» и не «мусор со скамьи».

«Предмет 07:12».

Потом закрыла чат. Под скамьёй нашли вещь. Объяснение к ней Виктор принёс сам. Пока это были два разных события, и Нина собиралась не позволить ни ему, ни себе склеить их раньше времени.

Глава 8. Перевод по памяти

В понедельник Рада прислала Нине приглашение на разбор прежнего звонка. В календаре стояло сорок минут, переговорная на втором этаже и сухая формулировка: «Сопоставление исходной реплики, перевода и действий диспетчера».

Нина прочитала сообщение трижды. Потом открыла его ещё раз, словно между строками могло появиться решение комиссии.

До разбора оставалось два часа. Она сидела на кухне перед выключенным ноутбуком и смотрела во двор. Скамью за ночь занесло новым снегом. Место, откуда Алла выгребла фиксатор, исчезло под ровной белой полосой. Если бы не фотографии и номер изъятого предмета, утренний двор ничем не отличался бы от двора неделю назад.

На столе лежал блокнот с её первым описанием той ночи. Нина записала его не сразу после увиденного, а через тридцать семь минут, когда вернулась из двора. Тогда ей казалось, что тридцать семь минут — почти настоящее время. Теперь она знала, сколько чужих слов успело войти в эти минуты.

Она перелистнула к нужной странице.

«Мужчина у скамьи, вероятно В. Л. Тёмное пальто или куртка. Закрытый зонт. Курьер на земле. Женщина в крас-

ной куртке передала светлый телефон».

Красная куртка была подчёркнута один раз. Не потому, что цвет казался особенно важным. Просто Нина привыкла подчёркивать признаки, по которым человека можно отличить от другого.

Она закрыла глаза и попробовала вернуть вид из окна.

Сначала пришла не картинка, а звук голоса в гарнитуре. Мужчина на линии дышал часто, диспетчер просила спросить адрес, а Нина повторяла вопрос медленнее. Потом возникло отражение кухонной лампы на стекле. Чтобы разглядеть двор, она закрыла свет ладонью. У скамьи лежал человек. Рядом стояла тёмная фигура с зонтом. От арки подошла женщина — красное пятно на снегу.

Нина открыла глаза.

Красное пятно было слишком чистым. В ту ночь снег казался серым, фонарь у скамьи мигал, а женщина находилась дальше мужчины. Почему же куртка в памяти выглядела ярче, чем сейчас выглядела синяя детская горка при дневном свете?

Она взяла телефон и открыла папку с материалами. Первым шёл снимок окна. Потом неподвижный кадр из приложения. Потом фотография, которую прислала Лариса из третьего подъезда: женщина в красной короткой куртке стояла у арки днём, спиной к камере. Лариса написала: «Может, эту видела? Она всё время за собакой без пакета ходит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.